

18+

Маковье поля

Кирилл Цпак

Кирилл Шпак
Маковые поля

«Издательские решения»

Шпак К.

Маковые поля / К. Шпак — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510266-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Маковые поля» расскажут читателю историю небольшого городка на задворках Техаса, разворачивающуюся в конце шестидесятих годов девятнадцатого века. Главный герой — Уильям Дэвис — разорившийся бизнесмен, потерявший отца и мать, вынужден выращивать опиум на полях в Стартауне и продавать его местным жителям, при этом стараясь не найти себе новых конфликтов с двумя бандами, которые поделили весь город между собой. Однако все идет наперекосяк, когда одного из главарей убивают...

ISBN 978-5-00-510266-9

© Шпак К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Уильям Дэвис	8
Глава I. Поле	8
Глава II. Двадцать шестое мая	12
Глава III. Многим раньше	16
Глава IV. «Черный кактус»	20
Глава V. Знакомый незнакомец	25
Глава VI. «Дымящая Королева»	30
Глава VII. Неизбежность	37
Глава VIII. Нежданный гость	42
Часть вторая. Джудит Давенпорт	44
Глава I. Семья	44
Глава II. Работа	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Маковые поля

Кирилл Шпак

© Кирилл Шпак, 2020

ISBN 978-5-0051-0266-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сегодняшнее утро для Дэвиса началось раньше обычного. Он только проснулся, а сестра его, Элли Эрп, девушка двадцати с лишком лет, курчавоволосая и в шляпе уже во всю бодрствовала, наблюдая за трагопанами в курятнике, коих прекрасно было видно из окон особняка. Прямо рядом с курятником распростерлось огромных размеров поле, усеянное маками самых различных оттенков. Оно было единственным доходом Дэвиса за последние пять лет, на нем Дэвис сделал свое состояние и достиг того, что имеет сейчас.

Его сестра прибыла в этот захолустный городишко, Стартаун, из крупного Эль-Пасо после смерти ее мужа, теперь уже бывшего, и почти полного разорения их совместно нажитого ранчо, что было, в конце концов, нещадно продано вместе со всеми животными. Всеми, кроме глазчатых трагопанов – прелестнейших фазанов азиатского происхождения, привезенных отцом Элли из Китая в подарок на ее свадьбу. Коренастые птицы вальяжно вышагивали по вольеру, периодически издавая своеобразные звуки, чем-то напоминающие кудахтанье привычных техасских кур. Вот самец, красное оперение которого блестело на солнце чернобелыми пятнами. Его бесперое голубое лицо обрамлено черным цветом, шея и грудь оранжевые. У свисающих подобных лацканам мешков гортани узор состоит из оттенков синего и контрастных красных пятен. От похожего трагопана-сатира он отличался, прежде всего, более светлым синим цветом лица и красной верхней стороной. Прекраснейшие птицы не могли не заставить ахнуть любого, кто их видел.

Уильям тем временем успел лишь подняться с кровати и вновь потянуться, издавая смачный зевок, а после переводя его в нечто, похожее скорее на глухой и протяжный полурыв-полустон. Отойдя от окна, он двинулся к гардеробу, где его ожидал вполне себе приличный костюм за два с половиной десятка долларов, какой в этих местах мог себе позволить далеко не каждый. Будучи, впрочем, отнюдь не самовлюбленным человеком, Уильям, даже не застегнув жилет, двинулся прочь из своей комнаты и спустился вниз по богатой лестнице, выполненной из дорогой породы дерева. Он любил эту лестницу. Любил, как собственную дочь, коей у него, к счастью или к сожалению, не было. И любил ей наслаждаться. Всякий раз, когда Дэвис по ней проходил, он очень аккуратно касался перил – сначала кончики пальцев едва достигали поверхности дерева, но уже через пару секунд они скользили по гладкому поручню. Еще некоторое время, и Уильям наконец брался за перила всей своей ладонью, а после, смакуя каждый момент этих прикосновений, шел вперед, порой с закрытыми глазами и приоткрытым ртом.

Затем он, наконец, ставил ногу на твердый пол. Уильям всегда умел отличить этот момент, когда шел с закрытыми глазами – момент окончания лестницы и начала первого этажа его дома. Вероятно, это как-то связано было с его особенным ощущением. Его знакомые частенько говорили, что у Уильяма и этого дома особая ментальная связь. Впрочем, чего у мужчины точно не было – так это постоянной информации о количестве ступеней этой лестницы. Он вечно забывал о том, сколько их все-таки – пятнадцать или шестнадцать? И всякий раз, спускаясь и не ошибаясь при подсчете ступеней у себя в голове, он будто ругался про себя, а когда возвращался назад, поднимаясь на второй этаж, он снова пересчитывал ступени. Так проходило множество минут его жизни, особенно в моменты, когда горечи утрат еще оставались слишком сильны. Сначала Уильям потерял отца, затем глаз, затем и мать. Все эти события яркими воспоминаниями регулярно проносились у него в голове, подобно свечам, горящим в ночи на пустой улице. И сейчас было также.

Этим утром, увидев в окне сестру, Дэвис неожиданно вспомнил, что она тут делает. Приехала с ответом на письмо, посланное им на ранчо в Эль-Пасо. Письмо, извещающее о смерти матери. Уильям боялся потерять и ее, Элли, а потому всякий раз утром, когда она выходила во двор, он долго стоял у окна и разглядывал ее, наблюдающую за фазанами. Ее смерть стала бы

для Уильяма гораздо большей утратой, чем потеря одной ступеньки при счете. А их он сегодня, к слову, вновь не досчитался. «Пятнадцать! Пятнадцать, а не шестнадцать, старый ты болван!» – ворчал вполголоса Уильям, движущийся по красному ковру в сторону кухни, где уже стоял прекрасно пахнувший, готовый завтрак – яичница из яиц гуляющих прямо сейчас в курятнике трагопанов была сделана Элли этим утром. Стойкий запах специй доносился от блюда – девушка любила заправлять яичницу чем попало. Всем, что могла найти в доме.

– Тпру-у... Ну все, тормози... – неподалеку от входа отчетливо послышался мужской басистый голос, когда Уильям уже почти доел свой завтрак.

Он тут же поднялся из-за стола и, выглянув в окно, застал лишь Элли убегающую куда-то в сторону главных ворот.

– Томас! Ха-ха... – через пару минут и сам Дэвис, хозяин дома, показался на пороге, встречая гостей, – Черт тебя дери, простите мне мой внешний вид! Уже закончил все свои дела в Остине, полагаю?

– И тебе не хворать, Билли... – Томас Грант, давний друг и военный товарищ Уильяма, пожал ему руку, приняв дружественные хлопки по плечу, – Да, как видишь, наконец, вернулся. Без цента в кармане и с единственной кроватью в доме. Мерзкие ублюдки все вынесли! Подчистую, черт их побери! Даже комод! Ох, черт, тот прекрасный комод! Он ведь был самой настоящей реликвией, а какие-то сволочи просто взяли и вынули его из моего дома!..

В ответ на эмоциональные выкрики Гранта Уильям лишь улыбнулся и выпустил смешок, после чего, еще раз хлопнув товарища по спине, проводил его в дом. Элли тем временем приказала сторожу отвести лошадь Томаса в конюшню, а затем и сама присоединилась к мужчинам, устроившимся за кухонным столом и открывшим бутылку виски. Уильям выставил на тот же стол пару стаканов – Элли не пила. Она давненько отказалась от сего неблагодарного занятия, отдав предпочтение прогулкам. Дэвис, впрочем, с ней был солидарен – прогулки ему тоже нравились, однако и выпить он любил. Тем более со старым другом, коего не видал уже больше двух месяцев. Мужчины сидели друг напротив друга и травили байки, вспоминая военные времена. Томас рассказывал о состоянии дел в Остине, а Элли их внимательно слушала. Пока, наконец, речь не зашла о деньгах.

– Черт, Томас. Ты, кажется мне, говорил только вот сейчас о какой-то невероятной нужде в деньгах? – последние четыре слова Уильям намеренно подчеркнул интонацией, закатив глаза и скорчив гримасу на лице, для придания фразе комичного эффекта, – Знаешь, у меня, думаю, нашлась бы работа для тебя, хотя и не уверен, много ли мы на этом заработаем.

– Выкладывай... – проговорил Грант, изначально посмеявшись, но очень скоро перейдя на привычный и весьма внимательный тон.

И Уильям выложил...

Часть первая. Уильям Дэвис

Запомните, дети. Если незнакомец на улице предлагает вам наркотики – скажите ему спасибо, потому что наркотики дорогие.

Глава I. Поле

– Видишь ли, Томас... – продолжил, было, Дэвис, сидя все на том же месте и периодически по присущей ему осторожности озираясь вокруг, хотя и понимая, что здесь, в его доме, быть никого, кроме троих сидящих на кухне, не могло, – Мак, разумеется, прекрасный цветок, из которого получается не менее прекрасный продукт. На приготовление опиума мой отец потратил последние несколько лет своей жизни. И он на этом разбогател. Он сумел поднять нашу семью, вытащить из бедности, но так и не успел сделать того, чего желал всем сердцем. Он не сумел возродить свою компанию. Не сумел довести ее до прежнего величия. И знаешь ли ты, почему? Потому что он не желал развиваться в различных сферах! Опиум был всем, в чем он хотел преуспеть, и он преуспел, но нужно двигаться дальше, если мы хотим заработать больше.

– К чему ты клонишь, Уильям?.. – решил, наконец, поинтересоваться Томас, доселе внимательно слушавший своего приятеля. Очевидно, особенным умом он не блистал, да и не нужен он был ему, в целом. Зато Томас прекрасно умел стрелять из любого вида оружия и силен был, как бык.

– Клоню я к тому, дорогой Том, что сферу нашего производства необходимо расширять стремительно. Стремительно и как можно скорее. – Дэвис поднялся из-за стола и подошел к окну, из которого открывался вид на бескрайние техасские степи, усеянные агавой и полынью на множество миль вперед, прочь от взглядов зевак Стартауна, – Приглядитесь, мистер Грант. Вы видите это?

Томас вслед за Уильямом приблизился к окну и устремил свой взор вдаль, к линии горизонта.

– Что «это»?.. – с некоторой робостью в голосе произнес он, не до конца понимая, о чем говорит Дэвис.

– Возможности... Возможности, столь же бескрайние в этом месте, как и эта степь. Представь только, ты можешь отправиться куда угодно лишь твоей душе. Можешь делать все, что только пожелаешь. И твоя судьба все еще будет лишь в твоих руках. Никакого правительства! Никаких законов! Всю эту землю может в одночасье прибрать к рукам какой-нибудь предприимчивый молодой человек. А в следующий уже час он может ее продать или выменять на какое-нибудь имение в районе Цейлона... ах, каким же болваном был мой отец, когда не желал торговать ничем, кроме опиума!.. – после этих слов некоторые секунды молчания повисли в доме Дэвиса, но вскоре он вновь продолжил, – Сдается мне, я припоминаю некоторую вашу историю, мистер Грант, еще военных лет, о том, как вы сражались бок о бок с индейцами против злосчастных янки до нашей встречи в одном полку, не так ли?

– Все так. – Томас отвечал кратко, ибо по-другому не умел, а, быть может, и не хотел, – Припоминаю я те времена, будто это было вчера... Отличный солнечный денек стоял на дворе, мы были на привале, поедали солонину этих самых чероков или как их там звать, это племя-то, и пили какое-то отвратное пойло, тоже приготовленное краснокожими. Честно сказать, запах у того напитка был не то что дурной, его слишком мягко будет назвать убивающим. Словом, отвратительные обеды у этих индейцев...

– Глубоко соболезную твоим разочарованиям по поводу местных угощений, Томас. – будто в шутку произнес Уильям и, не дав другу ответить, продолжил, – А, скажи мне, гово-

рили ли тебе эти чероки о каких-нибудь, скажем, изысках в их кухне? Или, может, о шаманских обрядах рассказывали?

– Да, кажется... нет, ничего подобного не припомню.

– Что же, в таком случае, полагаю, тебе будет интересно узнать, что местные коренные народы используют некий кактус, который зовут пейотом, для общения с духами умерших предков и, впрочем, не только ими. Чтобы ты понимал, это не просто растение, это самая настоящая золотая жила, черт возьми! Только представь, какую рекламу можно дать веществу, содержащемуся внутри одного небольшого кусочка этого кактуса! Ведь с его помощью всякий наркоман этого захудалого городка сможет перекинуться парочкой слов со своими мертвыми родственниками... твою мать, было бы это действительно правдой, я бы и сам с удовольствием стал мескалиновым наркоманом...

Мескалин – вещество, содержащееся в кактусе пейот, как его называли северо-американские индейцы, употреблявшие кусочки этого растения во время шаманских обрядов, да и в целом, порой лечившиеся подобными средствами. Поистине сильнейший галлюциноген, который можно беспрепятственно создать в природных условиях Северной Америки и Соединенных Штатов, в частности. Техас же, как известно всякому, изобилует самых различных видов кактусами. Среди них был и пейот, а также еще ряд растений, включаемых ныне в один с ним род – *Lophophora*.

Через некоторое количество минут пара мужчин на своих скакунах уже двигалась в сторону выезда из города – там их ждала огромных масштабов прерия, вглубь которой честным людям заходить не рекомендовалось. Впрочем, Дэвис и не планировал свой маршрут дальше, чем на пять-семь километров от города – был весьма осторожным человеком по своей натуре и нарваться на группу вооруженных лихих бандитов не слишком желал, ведь там, за пределами городской округи, шерифу на вряд ли удастся найти даже тело Уильяма, что уж говорить об угнанных конях, украденных деньгах и сделавших все это ублюдках. Однако, несмотря на совсем недалекий план прогулки, Дэвис не смел забывать три своих револьвера дома. Два висело на ремне, под обе руки, а третий, на всякий случай, прятался под пиджаком, находясь в кобуре, прикрепленной к жилету.

Помимо кактусов, Уильям также искал и еще одно растение – посевную коноплю. По всей Америке уже давненько ходили слухи о чудном веществе, употребляемом во Франции. Гашиш был весьма распространен в континентальной Европе с начала девятнадцатого века, а особенное распространение он получил в уже упоминаемой Франции, в то время как в прочих странах на первое место выходил опиум, а затем и морфий.

Такие рассказы сопровождали путников на протяжении всех поисков, ровно до тех пор, пока они не находили какой-либо их объект – кактус то был, или дикий конопляный куст – Уильям спрыгивал с коня, следом за ним слезал и Томас, придерживая скакуна друга за поводья. Затем Дэвис доставал нож и срезал найденный объект, аккуратно заворачивая срезанное в бумажку и укладывая в седельную сумку своей лошади. Стоит заметить, что точное описание нужного растения Уильям знал только в отношении конопли. Подробной же речи о пейоте он ни в одной из прочтенных книг ни разу не видел – всюду кактус упоминался как-то вскользь, и гораздо больше внимания уделялось процессу его употребления, варке из него блюд национальной индейской кухни, а также, собственно, эффектам после.

В конечном итоге, парой было набрано несколько десятков образцов кактусов, которые в скором времени было необходимо перебрать и попытаться найти нужный. А сейчас поиски приостановились по весьма, впрочем, весомой причине...

– Какого черта... – сквозь зубы процедил Уильям, глядя на обнесенное веревкой, натянутой между колышками, поле конопли.

– Частная собственность. Не смей. – прочитал Томас надпись с прибитой к одному из колышков таблички.

– Частная собственность мистера Смита. – проговорил Дэвис, глядя на кусок доски с выведенными на ней краской буквами, висящий на другом столбе, – Знаешь его?..

– Дай-ка подумать... – Грант на пару мгновений замолк, поднимая глаза к небу, будто ища там поддержки и озарения, – Да, кажется, знаю. Старичок из Янкитауна, если мне не изменяет память, думаю, он не обидится, если мы заберем что-нибудь с этого поля.

С этими словами Томас спрыгнул с коня, привязав его к столбу, пролез между веревками и принялся ножом срезать свежие кустики конопли с висящими на них семенами...

– Да-да, тащи его сюда, Том! – кричал Уильям из своего кабинета, что находился на втором этаже его особняка, – Да какого черта ты там бурчишь? Я же просто попросил поднять сумки на второй этаж! – через несколько мгновений Дэвис уже вновь спускался по лестнице, к слову, довольно резво, без присущей ему в этом деле необходимости наслаждаться каждым шагом, и, наконец, оказался в холле первого этажа, прямо перед Томасом, стоящим в кругу рассыпанных кактусов и конопляных семян. – Твою мать. Ладно, подними хотя бы эту сумку в мой кабинет пока что. Элли! Приберись тут, пожалуйста. – Эрп тотчас же прибежала к брату, – Все семена и кактусы собери по отдельным корзинам, да принеси мне, когда закончишь.

Порою Уильям был грубоват. Не только с сестрой. Со всеми. Он являлся весьма вспыльчивым человеком и в свои молодые годы, бывало, мог даже начать стрелять, услышав какое-то обидное или неосторожное выражение в свой адрес. С годами бунтарский дух его поуменьшился. Вернее сказать, Уильям научился скрывать его на людях, внутри себя оставаясь же все таким же, каким был лет пятнадцать назад. Но он любил свою сестру, как уже говорилось, и старался всегда быть с ней столько нежным и ласковым, сколько это было возможно.

Тем временем, первая сумка с растениями уже была аккуратно установлена на стол в кабинете Дэвиса.

– Итак, Томас. Что же, самое время взяться за работу. Полагаю, с кактусами я тут возиться буду еще долго, а потому у тебя есть некоторое время, чтобы, когда мы закончим отделять траву от колючек, рассадить коноплю на заднем дворе вместе с Элли. Я уже выделил небольшой участок под посевы, сестра тебе его покажет.

Молчаливый кивок Гранта последовал в ответ на довольно протяжное сообщение Дэвиса о дальнейших планах, и они приступили к работе. Первоначально было необходимо отделить коноплю от кактусов, ведь все образцы были аккуратно завернуты в бумажки поштучно, на это, впрочем, ушло не так много времени. Элли к тому моменту как раз-таки закончила уборку в нижнем холле и принесла на верх уже поделенные на две корзины стебли конопли и кактусы самых различных форм.

Через некоторое количество мгновений Уильям повторил ту же речь своей сестре и выпроводил их с Томасом из своего кабинета, сунув напоследок каждому в руки по охалке конопляных стеблей. Они удалились на задний двор, куда выходило окно кабинета Дэвиса также, как и окно его спальни. Он, сидя за столом и рассматривая кактусы, краем глаза мог наблюдать, как парочка его «подельников» уже высаживает второе растение на необходимом куске земли. Впрочем, на рассадку ушла лишь малая часть семян – гораздо больше Уильям хотел отправить на продажу, предварительно обработав ингредиенты и изготовив из стеблей, листьев и, собственно, самих семян курительную смесь.

Тем временем сам Дэвис принялся готовить оборудование – в основном химико-биологическую посуду – всяческие стекла, колбы и стаканы, микроскоп. Все это было необходимо для анализа сока кактусов, в котором, по знаниям мужчины, и содержался мескалин. Для начала всякий кактус надрезался, после чего из него выдавливался сок на какое-либо предметное стекло. Дабы читатель понимал суть вышеописанных действий, стоит заметить, что далеко не всякое растение обладает млечным соком – и уж точно, не всякое колючее растение – потому, каждый кактус, из которого тек прозрачный сок, зеленый сок или не тек никакой сок

вообще, откидывался Уильямом в сторону. Так он делал довольно долго, повторяя процедуру снова и снова, пока не нашел, наконец, необходимый ему так сильно млечный сок в нескольких растениях.

– Теперь, Томас, – начинал свой рассказ Уильям, когда перед ним вдруг оказался его бывший сослуживец, уже закончивший работу в саду, – Мы займемся самым интересным! Видишь ли, млечный сок, иначе говоря, опий, любого растения может быть двух видов: опьяняющий или смертельный. И, дабы не умереть, когда мы будем пробовать эти кактусы, прямо сейчас нам лучше лишний раз провести одну процедуру...

Закончив фразу, Дэвис потянулся за колбой и придвинул ее к себе. Затем залез на стул и, достав с верхней полки какую-то склянку с прозрачной жидкостью.

– Водка?.. Что же, полагаю, отличный способ побороть смертельные кактусовые яды. – произнес Томас, глядя на едва не ползающего по потолку Уильяма, на что тот лишь усмехнулся.

– Реактив Драгендорфа, Томас. Погляди-ка, – Уильям рукой подозвал приятеля ближе к столу, после чего налил немного жидкости в большую колбу, следом он взял пипетку и, наполнив ее небольшим количеством сока одного из кактусов, вылил туда же, – Черт... Не то. Если бы мы или кто-то из наших клиентов решился попробовать этот кактус, он бы наверняка сдох через пару дней...

Алкалоиды, к которым принадлежал и морфин, составляющий наибольший процент наркотических веществ опиума, при реакции с некоторым раствором должны выпадать в мутно-белый осадок на дне колбы. Уильям произвел определенные манипуляции, используя различные химические вещества и приспособления, о которых подробнее автор рассказать не способен ввиду цензуры законодательства. Эти действия были проведены с несколькими кактусами – и, наконец, два из них показали, на что способны. Осадок выпал, когда Уильям вылил в колбу сок Лофофоры Уильямси – именно этот кактус и окажется впоследствии пейотом.

Этой ночью Дэвис не сумел заснуть – все мысли его были заняты размышлениями на тему предстоящих расширений. А сделать он желал многое – во-первых, разумеется, завтра же было необходимо начать сбор большего числа этих кактусов; во-вторых, требовалось создать отдельное поле, где они бы росли, и как следует его обустроить; в-третьих, стоило уже, наконец, решить вопрос конопли (Уильям планировал выкупить весь урожай мистера Смита), затем требовалось ее рассадить, обустроив новое поле, потому что в пределах участка, который уже принадлежал Дэвису, места явно не хватало, а значит, новые земли нужно было приобрести. Что уж говорить о том, что уже давненько было в планах мужчины – создание ландаумной фабрики и приватизированной курильни, первой в городе, между прочим. Однако, для всего этого требовались гораздо более крупные затраты. Следующим утром был сколочен заборчик для посева кактусов, а также набраны люди в команду для поисков пейота. Этими людьми оказались все те же работники, которым Уильям регулярно поручал сбор и посев мака, а также его отправку к месту переработки. Такие рабочие обходились Дэвису не так уж и дорого, да и выполняли дела довольно скоро. Так или иначе, через несколько дней у Дэвиса должно было появиться пейотное поле, а сейчас было самое время заняться коноплей, которую мужчина еще прошлым вечером оставил сушиться на солнце – через пару дней ее можно будет перемолоть в порошок и выставить на прилавок первую партию техасского гашиша.

Глава II. Двадцать шестое мая

Тем утром Уильям, будучи не в силах более валяться в кровати, так и не сумев ни разу заснуть, поднялся также рано, как и вчера, однако день у него начался весьма активно и гораздо более перспективно, чем предыдущий. Томас, отправленный на важное задание вчерашним вечером, уже сегодня прибыл с его результатами – пятеро работников, которые привыкли обрабатывать землю Дэвиса и заниматься сбором урожая на ней, были вызваны в его особняк по особому поводу. Им предстояло заняться поисками как можно более весомого количества кактусов, определенных Уильямом вчера, как пейот. За работы в день Дэвис планировал отдавать достопочтенным чернокожим господам по пять десятков центов, что вкупе было не столь уж и большой цифрой, чтобы ударить по его карману. Помимо того, работникам было необходимо высадить кактусы и обустроить для них небольшой участок близ псарни хозяина особняка.

Сам же он, мистер Дэвис, желал, как можно скорее, направиться к мистеру Смиту этим утром, а потом, прихватив с собой компаньона в лице Томаса Гранта, он прыгнул на коня и вмиг доскакал до главной городской части, где, пусть и не без труда, сумел найти домик старика – неказистый и кое-где уже значительно обветшавший, он напоминал чем-то дом Гранта. Ступени его порога давно поломались и, по-видимому, Смит уже потерял надежду на то, что новая починка каким-то образом эту ситуацию исправит. Гниль и плесень разъедала деревянный фундамент дома, отчего тот крошился и осыпался щепками на горячий каменистый песчаник тexasской полупустыни. Уильям постучал в дверь.

– Кого еще там принесли черти в такую рань?! – раздался грубый мужской голос из глубины здания, последующие мгновения тишины разразил громкий сухой кашель и скрип открывающейся двери, – О, вы, кажется, мистер Дэвис, не так ли? Убирайтесь подобру-поздорову, людям Чивалдори в этом доме не рады! – старичок, было, хотел захлопнуть дверь прямо перед носом Уильяма, однако нога того в твердом сапоге ему помешала.

– Чивалдори мне не хозяин, и уж тем более не мой босс, мистер Смит. Будьте так добры, откройте дверь и, быть может, я смогу вас чем-нибудь заинтересовать. – голос Уильяма дрожал. Но не от робости, а от желания накричать и обругать этого человека. Еще бы, как какой-то старик-прихвостень Флетчера может так разговаривать с весьма уважаемым в городе другом сеньора Чивалдори? Дверь, наконец, распахнулась полностью, и старичок, отвернувшись, поковылял в заднюю часть комнаты, устраиваясь поудобнее на стуле за обеденным столом.

– Ну. Говорите, раз уж настаиваете на нашем диалоге. – тон его голоса переменялся, было заметно, что, когда речь зашла о «чем-то», что может его заинтересовать, он действительно заинтересовался.

– Мистер Смит, – начал Дэвис, – Видите ли, до меня дошли слухи, что вы являетесь владельцем некоторого поля, засеянного коноплей, размером в полтора десятка акров. Для начала я хотел бы знать, верна ли эта информация? – Уильям говорил так, чтобы, в случае, если договориться о покупке урожая не удастся, подозрения по уже похищенным им посадкам не сразу же пали на него, как «пришедшего к Смиту не так давно человека, желавшего выкупить коноплю».

– Быть может, ваш информатор и не врет, но и что с того? – старик, казалось, сразу же почувствовал ту самую возможность, о которых так долго вчера говорил Гранту Уильям.

– А дело в том, что я бы хотел купить у вас весь урожай с этого поля. По вашей цене, разумеется, если она будет разумной.

– О, надо же, господа! – глаза Смита засияли, было видно, как он оживился, – Чего же вы сразу-то не сказали, что пришли с целью покупки! Разумеется, я продам вам урожай, однако, и цена, как вы понимаете, будет разумной. – последнее слово старик выделит интонацией,

пытаясь подчеркнуть свою готовность пойти на сделку, – Двадцать долларов за акр. Так будет честно, я считаю.

– Разумной, мистер Смит, – Томас, стоявший все это время у входной двери, наблюдая за сидящими за столом переговорщиками, услышав цифру, чуть было не поперхнулся собственной слюной и издал отчетливый кашель, – Мой коллега сказал, что цена должна быть разумной.

– Именно так, мистер Смит, полагаю, честно будет сбросить вашу цену до десяти долларов за акр. – поддержал Дэвис своего напарника, неожиданно вмешавшегося в диалог.

– Двадцать – значит двадцать, господа! И ни центом меньше! Я не собираюсь продавать то, что вырастил своим собственным, и, кстати, довольно большим трудом за бесценнок!

– Что же, мистер Смит, полагаю, в данном случае наш диалог может быть закончен.

Дэвис не терпел отказов, а потому последние слова произносил сквозь зубы, стараясь не сорваться и не набить старику морду прямо в его собственном доме. Он не хотел его запугивать или ему угрожать, а если и хотел, то не стал – это точно. У него были дела поважнее, да и вражда между главами двух крупнейших банд Стартауна – Флетчером и Чивалдори – постепенно усиливалась, отношения накалялись и обе стороны понимали, что еще немного и начнется война. Вот тогда-то и можно надавить на прихвостня Флетчера или выкрасть весь урожай его конопли... Сейчас же Уильям просто удалился из дома Смита, не сказав ни слова на прощание.

Следующей остановкой для Дэвиса стало здание городской администрации, на первом этаже которой располагалась контора шерифа и парочка камер для заключенных, которые обыкновенно здесь не задерживались, а сами же камеры чаще использовались в качестве вытрезвителей для завсегдатаев местного салуна. Второй этаж был как раз тем, что представляло для Уильяма какую-то ценность – там находился офис мэра. Самого мэра, разумеется, в этом офисе никогда не бывало, по крайней мере, по памяти Дэвиса, но зато его секретарь, господин Фицерман, был здесь постоянно. Именно он в тот день должен был помочь Уильяму.

– Мистер Фицерман. Полагаю, вы не заняты? – Дэвис постучался в кабинет секретаря.

– О, мистер Дэвис! Прошу, входите. – Уильяма в Стартауне знали если не все, то многие. Именно он был поставщиком главного продукта в жизни большей части чернокожего населения этого города после отмены рабства. Кроме того, он был весьма богат и влиятелен, что, разумеется, не могло не оказать какого-либо влияния на мнение граждан о нем. – Вы что-то хотели?..

Далее завязался не самый интересный разговор о деньгах и их подсчет, в результате которого Уильямом было выкуплено десять акров земли позади его особняка. Вскоре этот участок также будет обнесен забором, а потом там покажутся прекраснейшие конопляные ростки, что будут плодоносить целый год и, наверняка, принесут Уильяму немалую прибыль.

– Коннор! – через небольшое количество минут после встречи с секретарем, Уильям, наконец, оказался в своей лавке, где человек, по имени Коннор Порт, продавал опиум господину Дэвиса, а также все принадлежности для его курения.

– Доброе утро, мистер Дэвис. – натянув улыбку на свою, будем честны, не слишком приятную рожу, произнес Порт, – Вы здесь, полагаю, с какой-то важной целью на сей раз? Или вновь пришли просто поведать?

Порт не слишком любил Уильяма, но старался этого не показывать, пусть зачастую это и не получалось. Как, например, и в этот раз.

– Да, мистер Порт. – лицо Дэвиса вмиг переменялось, – На сей раз я здесь с важной целью. – Он прекрасно осознавал, что нужно было это сделать, однако столь же прекрасно Уильям понимал и то, что этому человеку пойти больше некуда. Вероятно, только из-за этого факта Коннор Порт до сих пор не высказал Дэвису в лицо все, что он о нем думает. – Видите ли,

мистер Порт. У нашей компании в настоящее время не самый прибыльный период, а потому я решил провести некоторое сокращение. Под него попадаете и вы. Коннор Порт, вы уволены. Я дам вам несколько минут, чтобы собрать вещи, а после вы покинете это заведение. Удачи в поисках новой работы.

Уильяму доставляло некоторое удовольствие смотреть на взгляд Порта в этот момент: вся горечь и боль, все сожаление о своих ранее совершенных поступках – все это прямо сейчас клеймом было выжжено на лице Коннора. Он подумывал даже о том, что никакого сокращения не было. Подумывал, что изначально Уильям вовсе пришел сюда просто так, из-за присущего ему любопытства, узнать, как поживает бизнес его семьи, а та самая неосторожная и невежливая фраза, произнесенная Портом в конце, вывела начальника из себя, отчего тот и решил выкинуть мужчину за порог. Впрочем, была в этом и некоторая доля правды.

Неожиданно дверь в здание распахнулась, и в него вошел мужчина лет двадцати пяти. Коротко стриженный, с легкой чернеющей щетиной на щеках и подбородке. Дэвис сразу узнал его – это был доктор Дональд МакГроу, бывший, пожалуй, единственным сносным лекарем в этом городе и давно прославивший в глазах владельца этой лавки человеком, имеющим, скажем, некоего рода пристрастие к наркотикам опиумной группы. Дон частенько навещался в лавку с самого того момента, как узнал о ее существовании здесь, а Дэвис при виде его всякий раз вспоминал трагичную историю их первого знакомства...

– Доктор МакГроу. – произнес Уильям, заметив стоящего на пороге лавки мужчину, что казался едва ли не на пару десятилетий его младше, – Приветствую, приветствую... а мистер Порт, кажется, уже уходит. Верно, мистер Порт? – с ухмылкой на лице произнес Дэвис, получив в ответ от Коннора лишь злобное «угу» и бормотание каких-то ругательств себе под нос. – Ну что же, рассказывайте, сэр, – продолжил Уильям, устраиваясь поудобнее на стуле, где некогда располагалась задница Коннора Порта, – Какими судьбами вас в очередной раз занесло в мое скромное заведение?

Доку был нужен опиум, о чем тот сразу же поведал Дэвису. «Обезболить пациента? Если он действительно считает, что для обезболивания маленькой девочке необходимо шесть опиумных доз, то он явно отвратный врач...» – пронеслось в голове у мужчины в тот момент. Впрочем, Уильям прекрасно понимал, что Дон – всего лишь очередной его клиент, а ему, как продавцу, важно было лишь получить свои деньги за продаваемый товар.

– С вас шесть долларов, мистер МакГроу. – бросил Дэвис, выкладывая на стол перед собой шесть аккуратных свертков, по которым был расфасован весь опиум, продаваемый в лавке. – Шесть долларов, а также несколько минут вашего драгоценного времени сегодня вечером в салуне. Что скажете?

Дону ничего не оставалось, как сесть на предложенный Дэвисом стул, хотя он сейчас меньше всего был расположен к трате времени на болтовню. Он нервно расчесал свою трехдневную щетину, механически утер губы ладонью. Его начинало колотить.

– Фермерская дочка распоролла ногу... – тихий голос его, будто чужой. Глухой и безжизненный. «Да дай ты мне уже этот гребаный опиум и позволь мне уйти!» – Надо резать рану и чистить ее, пока не стало слишком поздно. Она не вытерпит это все без дозы опия, издеваться над ней я не собираюсь. Это первый ребенок в моем доме за прошедшие полгода, и все должно пройти безукоризненно для ее ноги и моей репутации. – Дон быстро протер свои сухие красные глаза, пытаясь уловить суть обращенного на него пронизательного наркоторговческого взгляда. «Да, дьявол тебя побери, остальные пять доз мне, ты все верно понял. И это не твое собачье дело». Это чертовски придавало сил. – Чем он провинился? Неужто попался на воровстве? – Вопросительно поднял бровь ирландец, кивнув в сторону уходящего продавца. – Вот, – шесть шуршащих долларов были отсчитаны из портмоне и придвинуты к сидящему напротив Дэвису, а шесть пакетиков с драгоценным содержимым собраны и расфасованы по карманам докторской куртки. Дона в очередной раз захлестнуло чувство отвращения. К себе, к этому

месту, к опию. Как и всякий до этого раз. Его мозг отчаянно старался сфокусировать образ измученной бедняжки Элис, которой он очень скоро вынужден будет причинить боль, которой она не заслуживала. – Благодарю, мистер Дэвис, – кивнул парень, застегивая куртку на все пуговицы в этот теплый майский день, – я постараюсь заглянуть в салун, если девочке к вечеру не станет хуже после... вмешательства. Если же не приду, не обессудьте. Загляну к вам как-нибудь потом.

На молчаливый вопрос дока Уильям не ответил. Да он, очевидно, и сам на него ответа не ждал, поскольку довольно скоро продолжил свою речь, выкладывая на прилавок деньги.

– Спасибо, мистер МакГроу. Надеюсь, девочка поправится. Вы, я уверен, отличный врач. – Уильям, довершая сказанное, кивнул, провожая взглядом дока, а когда тот, наконец, скрылся за массивными деревянными дверьми, продолжил, – Дуглас! Мистер Браун, я, кажется, видел вас здесь, да не поздоровался.

Дэвис устремился в узенький дверной проем у дальней стенки здания – за этой, буквально, щелкой скрывалась еще пара комнат: одна из них, склад, находилась по левую руку от Уильяма и закрывалась весьма толстой дверью с висящим на ней не менее массивным замком; вторая же именовалась всяким по-разному – здесь и место работы мастера, и сортировочная, и цех производства, и даже весьма странное и режущее слух «производительня». Тут работал человек, носивший средней длины кудрявые каштанового цвета волосы, очки и имя Дуглас Браун. Он последние несколько лет работал на компанию «Davis & Co», производя в этой небольшой комнатухе то, что и зовется курительной опиумной смесью, а также сортируя ее по сверткам.

По обыкновению своему Уильям лишь поинтересовался, как у господина Брауна дела и как, собственно, продвигается производство. Затем уведомил его о повышении до главного продавца, кроме должности главного производителя, и, кивнув, выражая свои поздравления, очень скоро удалился из торговой лавки, направившись напрямиком в салун, дожидаться доктора Дональда МакГроу...

Глава III. Многим раньше

Дону МакГроу было всего двадцать три, а он успел повидать так много смертей, и мог бы с уверенностью сказать, что в глубине души своей зачерствел. Очередной мертвец – застреленный, задушенный, зарезанный, повешенный, распухший за месяц, проведенный в реке, или полусгнивший – не вызывал у него ни страха, ни тошноты, ни даже брезгливости. Одну лишь досаду, что придется вновь помогать шерифу искать убийцу и заниматься бумажной волокитой. Но то, что ему пришлось увидеть полупьяному уже с утра доктору за городом, на городском кладбище, отрезвило его буквально вмиг.

Дон подался в окружные коронеры вовсе не из интереса и жажды расследований смертей. Совсем еще новичку в городе, янки к тому же, люди не очень-то доверяли ему поначалу, и приемы его были редкими, и заработок скудным. Появлялась ли от этого сама по себе еда на столе в его доме, или крепкий виски в стакане наливался сам? Дополнительный источник заработка ему предложил шериф, и Дон это предложение принял.

Но сейчас, глядя на бездыханное женское тело, распростертое меж каменной гряды на востоке в миле от города, он об этом жалел. Воздух вокруг пах ее кровью... Мухи уже облепили слипшиеся волосы, некогда русые с проседью, но теперь киноварно-алые от крови. Края огромной дыры в правом виске, там, где пуля Ремингтона вышла навывлет, были образованы валом из мозгов и развороченных черепных костей. Пальцы сжимали оружие так крепко, будто женщина сомневалась до самого конца и боялась струсить. Зрелище было печальное... Запекшаяся кровь была повсюду – на земле, растущих рядом колючках, камнях. Дон осматривал покойную чисто механически, стараясь не осознавать то, что видел, и то, к чему прикасались его пальцы – иначе мог прямо здесь распрощаться с собственной крышей и пожелать ей приятного полета. Потому что на пару мгновений ему показалось, что перед ним лежит его собственная мать. Но это не могло быть правдой – Сирша МакГроу Ирландию не покидала, и, по последним письмам, была жива-здорова. Пора было прекращать колотиться и пить так часто...

Рабочие, обнаружившие тело по дороге на угольный разрез, шушукались и суетились рядом. Это бесило Дона. Он выругался, встал и выпрямился в рост.

– Что, в первый раз жизни труп увидели? Ваше дело здесь окончено, говорю вам, вы здесь больше не нужны, – обратился раздраженный доктор к группе зевак, которые расступались перед кем-то и шептали о каком-то Дэвисе. Судя по всему, этот кто-то, рослый мужчина в шляпе и с густой бородой, с повязкой на глазу, Дэвисом и был. У него был довольно бравый и солидный вид. Кто это? Еще один любопытный горожанин?

– Сэр, я окружной коронер, – Дон показал мрачно надвигавшемуся на него мужчине полицейский жетон, – вам сюда нельзя, это место преступления.

Тот день был особенным для Уильяма Дэвиса. Он стал, можно сказать, решающим моментом в его жизни, разделившим ее на «до» и «после». Вчера вечером он поздно заснул, столь же поздно вернувшись домой после встречи в доме сеньора Чивалдори, который покупал у Дэвиса очередную оптовую партию опиума для дальнейшей отправки его в Финикс, Эль-Пасо и Хьюстон. Дома было тихо, только лишь сторож несколько нарушал этот покой своим храпом у себя в домике. Не заподозрив ничего необычного, Уильям отправился напрямик в кровать, завернув, впрочем, по дороге к сейфу и выложив все полученные от Чивалдори деньги в него. Только утром он понял, как сильно ошибался в этой, вскоре ставшей гробовой, тишине...

– Мистер Дэвис? Вы дома? Мистер Дэвис, откройте!

Грубый мужской голос, раздавшийся ранним утром заставил мужчину продрать глаза и, укутавшись в одеяло, выглянуть в окно, выходявшее на главный вход его особняка.

– Чего там, черт побери, еще?! – Уильям был явно недоволен столь ранним пробуждением.

– О, мистер Дэвис, прошу, спуститесь вниз. Нам необходимо с вами поговорить на тему кое-чего... – человек замешкал, – Кое-чего, скажем, случившегося сегодня ночью.

Внизу стояла парочка, на ремне одного из них красиво блестел металлический значок звезды – шериф Стартауна. Второй, очевидно, был его помощником, правой рукой, так скажем. Именно он сейчас говорил с Дэвисом и, пожалуй, потому был столько вежлив. Уильям же тем временем принялся собираться. Он с присущей ему проворностью накинул на себя пиджак, рубашку и штаны, сунул в кобуры три своих револьвера, без которых не выходил, буквально, даже на задний двор собственного дома, и направился вниз, к парадным дверям, кои вскоре распахнулись и выпустили на порог шерифа и его молодого протеже.

– Приветствую, господа. – вымолвил, наконец, Дэвис, изначально желая все же не ронять слов попусту, – Какие-то проблемы?

Услышав вопрос, стоящие напротив Уильяма представители закона переглянулись, будто спрашивая себя, как и кто будет ему об этом рассказывать. А когда они, все же определившись, поведали ему о случившемся...

Он опешил. Уильям в действительности не знал, как реагировать на такие слова. Рассудок его помутился, разум заплыл горькими мыслями и представлениями, фантазиями о произошедшем этой ночью. На глазах, точнее, глазе, явно читались страх, сожаление, горечь утраты, ведь та женщина, что прямо сейчас лежала на городском кладбище под одним из надгробий, была его матерью. Уильям неожиданно вскочил, сначала медленно опустившись на дощатый пол порога и закрывая лицо руками. Он ринулся в конюшню, по пути встретив сторожа и приказав ему открывать ворота. Оседлав лучшего из своих скакунов, он мигом оказался за забором его усадьбы, а затем устремился в Стартаун, находившийся в нескольких милях от особняка Дэвиса.

– Сэр, я окружной коронер... – перед Дэвисом будто из ниоткуда возник мужчина, на деле же все это время стоявший рядом с трупом. Следующие его слова Уильям не услышал, да и на эти, казалось, не обратил внимания. Он лишь отпихнул стоящего перед ним врача, продолжив двигаться в направлении бездыханного тела.

– Эй, аккуратнее, черт вас подери, – глухо прорычал МакГроу, отлетая в сторону с дороги и падая на одним на мелкие камни. В голове заметались оскорбления, их было так много, что на мгновение Дон растерялся, и лишь молча вскочил на ноги вновь. Он обернулся к мужчине, склонившемуся над телом, и на него внезапно обрушилось осознание очевидного факта. Он знал эту бедную женщину, этот мужчина, теперь Дон отчетливо это видел. Произошло банальное недоразумение, с кем не бывало. Сзади наконец повисла тишина. Звенящая тишина.

– Кем она приходилась вам, сэр? – Негромко спросил смущенный доктор, подходя ближе к Дэвису. По правилам никто не допускался к телу до процедуры опознания, но сегодняшним днем все правила катились в пекло. Что-то подсказывало доктору, что этого мужика на его пути не остановили бы и десять Дональдов МакГроу. Оставалось лишь попробовать вытянуть из него что-нибудь о покойной.

– Судя по состоянию тела и запаху крови, – Дон удивился будничности своего тона, присев на колено около покойной, – смерть наступила около восьми-десяти часов назад. – Его пальцы коснулись ее окровавленных и испачканных мозгами волос и повернули голову, повернутую рефлекторно от выстрела влево, прямо к ним. Остекленевшие, подернутые матовой дымкой красивые зеленые глаза теперь смотрели на Дэвиса.

Такое состояние Уильям помнил лишь единожды в своей жизни – в момент, когда потерял отца. Когда он видел, как шальная пуля, выскочившая из винтовки проклятого янки ранила Карла Дэвиса в голову, отстрелив правое ухо. Он сжался. Упал на землю. Кровь ярко-алым цветом раскрасила траву вокруг его головы. Она продолжала литься, но Карл встал. Он поднялся и ринулся в бой, выцеливая того ублюдка, который только что оставил его безухим калекой. Выстрел. Но стрелял не Карл. Янки выпустил еще одну пулю, свалившую, наконец, старого кон-

федерата с ног. Карл упал и на последнем издыхании стал бормотать про себя. Он не молился. Он ругался, кричал. Всей своей душой отец Уильяма ненавидел янки и в тот момент ненависть эта достигла своего апофеоза... А сейчас один из янки стоял рядом с Дэвисом младшим и вместе с ним смотрел на мертвое и уже поледеневшее тело.

– Не могу сказать, что мне приятно познакомиться, мистер МакГроу. Уильям Дэвис. – Мужчина протянул руку, на мгновение отвернувшись от трупа, – Эта женщина была мне матерью.

Уильям был в ярости. В ярости и растерянности. Он не представлял, что будет делать дальше, сейчас же оставшись в полном одиночестве. Его большой дом будет постоянно напоминать мужчине о родителях, постоянно говорить о том, что кто-то здесь был. Дом с привидениями... надо же, казалось, такое бывает лишь в сказках для детей... Нет, не дом. Целый город. Город, полный призраков. Черт возьми, это звучало бы весьма неплохо, будь Дэвис в парке аттракционов где-нибудь в Европе. Но он находился в гораздо менее жизнерадостном месте.

– И что теперь, Док? – вполголоса произнес Уильям, не отрывая взгляда от повернутой в его сторону головы женщины, – Что будет теперь, когда она пролежала здесь целую чертову ночь?

Дон лишь молча кивнул и пожал протянутую руку, сглотнув накативший к горлу комок. Что он мог сказать сыну, потерявшему мать? Какие-то ненужные слова сочувствия вертелись на языке, но и те показались Дональду фальшиво-приторными. Молчание показалось ему лучшим способом выражения своего соболезнования. По протоколу, он должен был допросить мужчину и указать на него шерифу как на первого подозреваемого, но что-то подсказывало ему, что это было лишним. Дон вообще предпочитал не лезть в эти уголовные юридические тяжбы, лишь исправно выполняя осмотр тел и вскрытие тех, чьи останки не несли на себе признаков насильственной смерти. Однако, без формальностей обойтись не вышло.

– Я заберу ее в участок и произведу там подробный досмотр, и отдам честь бюрократическому маховику... Заполню свой отчет и передам шерифу. Если у него не возникнет вопросов, тело отдадут вам, и вы спокойно воздадите ему все положенные почести. – Ему вдруг сильно захотелось поскорее сделать отчет и отдать бедную мать скорбящему сыну поскорее. Дон был так далек от своей, и от одной мысли, что он не сможет бросить горсть земли на крышку ее гроба, ему стало тошно. И еще тошнотворнее было бы, если перед тем, как упокоиться, ее бранные останки трогали чьи-то, пусть и умелые, руки. Нужно было перестать об этом думать. Голубые глаза Дона зацепились за ремингтон, зажатый жертвой в предсмертной судороге. Док прищурился, смотря уже на сына, наклонив голову набок. – Когда вы видели мать в последний раз, мистер Дэвис? Откуда у нее этот ремингтон? – «Что терзало ее так сильно, что она взяла на душу такой грех?» – Какие у вас были отношения? Она говорила вам о том, что беспокоило ее в последнее время? – МакГроу вдруг показалось, что он вскрыл какой-то большой нарыв по тому, как неуловимо изменилось лицо Дэвиса при этом вопросе. – Ей не угрожали?

– Вчерашним днем, полагаю. Вечером я вернулся домой поздно и, решив, что все уже спят, сам тоже направился в кровать. – заметив револьвер, сжимаемый ледяной рукой трупа, Уильям дрогнул лицом, – Черт, понятия не имею! – Дэвис едва не надорвался, в очередной раз пытаясь не вспылить и не заехать по лицу МакГроу, – Последние несколько лет она сильно болела. После смерти отца на войне. Она очень тяжело перенесла эту новость...

Уильям вспоминал, как, приехав домой в 1864-ом с единственным оставшимся глазом, впервые за несколько лет увидел мать. Он вспоминал, как та бросилась к нему на шею, начала плакать, как она обливалась слезами. Он вспоминал, как рассказывал матери об отце, о совместных сражениях, проведенных под командованием прекрасных командиров Юга, о великой храбрости и отваге, о трагичной смерти своего отца в том, казалось, еще не слишком далеком 1863-ем году. Сейчас же, стоя на стартаунском кладбище через два года после своего возвращения с войны, Уильям испытывал лишь отвращение к той жестокости, которая творилась

на территории Штатов столь недавно. Тошнотворное отвращение, подобное тому, когда человек впервые видит обезображенный до неузнаваемости труп, лежащий в какой-нибудь богом забытой канаве на задворках Чарльстона, поросшей мхом и уже тонущей в заболачивающейся воде с нечистотами, стекающей сюда откуда-то сверху, с более важных городских улиц и канав.

– Позвольте, мистер МакГроу. Я бы хотел покинуть это место как можно скорее. Если вас не затруднит, оповестите меня об окончании своих работ, как только сумеете, или, что более вероятно, я сам зайду к вам позже. А сейчас, думаю, стоит направиться к гробовщику.

Печаль подкатила к глазам Уильяма, отчасти они даже покраснели, но мужчина поспешил кивнуть в знак признательности доку и столь же скоро ретироваться с места происшествия.

Дональд долго смотрел вслед уходящему мужчине, и шлейф уныния его и боли, порожденный сегодняшним утром, окутал и его самого. Отчего так сжалось его нутро от одного взгляда на опущенные плечи Дэвиса, будто придавленные тяжелой, не посильной для него ношей? Одно дело потерять родного и любимого на войне, и познать всю горькую сладость ненависти к сгубившему его и мести за его незабвенную память. Но как ненавидеть любимого, если он покинул эту землю по своей воле? Как заставить ее страдать?

Вечером, когда заполненный с чувством холодного профессионализма протокол осмотра и вскрытия был заполнен, Дон долго смотрел на женщину, покоящуюся на его столе. Шериф подробно изучил документ, опросил Дэвиса и решил не открывать дела, к великому облегчению доктора. Теперь все встало на свои места. Война оставила несчастную миссис Дэвис с разбитым сердцем и обрушила ее надежды на новый, свободный мир и спокойную старость с любимым мужем. Отчаяние и боль утянули ее на дно, и всплыть на поверхность ей уже не было суждено... Дону отчаянно хотелось, чтобы гробовщик забрал тело поскорее. Чтобы ее сын мог оплакать мать в одиночестве и проститься с ней навсегда так, как сам того пожелает. Чтобы оно не напоминало ему о бессмысленности той мясорубки, из которой ему удалось выйти живым и вытащить из ее тисков десятки других, и которую он так отчаянно пытался забыть. Залить бурбоном и успокоить морфием. Он твердо решил для себя, что это дело станет для него последним.

Глава IV. «Черный кактус»

Чуть позднее, ближе к вечеру того же дня, Уильяму было необходимо-таки явиться в салун, дабы узнать, в действительности ли встреча, назначенная им мистеру МакГроу, состоится. Сегодня он хотел сделать ему предложение, отказаться от которого было бы весьма опрометчиво, а потому прибыл в заведение, под названием «Черный Кактус» почти сразу же после выхода Дональда из опиумной лавки.

Перед Дэвисом предстало уже на сто рядов знакомое ему монолитное здание в два этажа, всецело выстроенное из дерева, с дощатым порогом и несколькими небольшими окошками, расположенными прямо под надписью «SALOON», висящей над главным входом. Он же сам был представлен не самым роскошным пендельтюром, дверьми, распахивающимися в обе стороны и напоминающими по своему внешнему облику скорее глухую калитку в чьем-нибудь саду, чем в действительности двери. Прямо за пендельтюром располагался просторный зал, где в некотором полумраке отплясывали местные завсегдатаи, играли в карты и с определенной периодичностью дрались всяческие слои стартаунского общества.

Взяв у Стива, местного бармена, пару стаканов и бутылку виски, Уильям Дэвис вместе со своим напарником, Томасом Грантом, устремился в дальний угол заведения, дабы посидеть в относительной тишине и подальше от всей суматохи, творившейся здесь, и, главное, от откровенно не очень играющего пианиста.

Салун встретил доктора привычной атмосферой всеобщего алкогольного забытья. Натянутым смехом официанток, разнuzданными мужскими голосами и голубоватым дымным маревом, дарующим возможность пройти не замеченным для большинства глаз. Он всегда старался быть пунктуальным, и сам не любил заставлять себя ждать. Однако, в этот раз все же пришлось припоздать, но на это были веские причины.

Дэвиса зоркий взгляд Дональда заметил сразу – тот сидел в углу, в котором доктор сам частенько гнездовался, в одиночку надираясь бурбоном зимними вечерами. Наблюдая изда- лека за жителями города и рисуя графитовым карандашом их лица на обрывках салфеток. Одно из них, женское, его умелая рука рисовала уже десяток раз. Сегодня, к огорчению доктора, ее здесь не наблюдалось.

МакГроу кивал в знак приветствия тем, кого знал, пока шел по освещенными лампами залу к столику Дэвиса. Многие из них придут к нему завтра просить лекарство от похмелья, и добрый доктор пропишет им пинту эля для облегчения страданий. И себе, наверное, тоже.

– Вечер добрый, мистер Дэвис, – Дон негромко поприветствовал наркоторговца второй раз за сутки, опускаясь на свободный стул напротив. Устало придвинул к себе пустой стакан и щедро плеснул себе янтарного виски под взглядом Дэвиса. Наглость? Он не последний хрен без соли доедал, оплатит еще пять таких бутылок без раздумий. Осушил стакан залпом до дна. Брррр. – Давно ли ждете?

– Добрый вечер. – Дэвис несколько опешил, завидев, как его собеседник опрокинул в себя целый стакан весьма неплохого пойла по местным меркам. – Разумеется, угощайтесь. – наконец, перед глазами Уильяма появилась та уставшая физиономия, которую он тут ждал едва ли не с самого полудня, – Недолго. Присаживайтесь, Док.

У Дэвиса в запасе была еще уйма времени. Он прекрасно понимал, что и МакГроу после, как Уильяму виделось, весьма тяжелого дня был необходим отдых. Впрочем, разговор этот представлялся мужчине довольно важным, а потому отлагательств не терпел.

– Позвольте мне для начала спросить, мистер МакГроу, не осточертел ли вам сей городок? Я хочу сказать, то есть, познакомились мы с вами года с два назад на будущей могиле моей матери, и уже тогда вы показались мне человеком, который к этому месту питает отнюдь

не много любви. Смею полагать, вне зависимости от вашего ответа, деньги вам пригодятся, а потому, думаю, смогу заинтересовать вас моим предложением.

Пианист продолжал играть громко и неистово, официантки то и дело бегали от одного стола к другому, то поднося какие-то бутылки, то забирая уже осушенные стеклянные емкости. Частенько в этом месте дрались люди. И Уильям, хоть и был человеком крепким, вспыльчивым и повидавшим в жизни многое, не любил такого рода столкновения, всячески стараясь избежать конфликта, нарастающего в салуне между посетителями, или просто уйти из этого, уже подгнивающего кое-где, но все еще приносящего приличную прибыль как его хозяйке, так и Флетчеру, здания.

Дон, не торопясь, доставал сигару, слушая наркоторговца. Концентрация опия в его крови неотвратимо падала, а вместе с этим мутнела ясность рассудка. Нужно было как-то попытаться привести в порядок пошатнувшийся строй мыслей. Чиркнул спичкой, втянул воздух как следует – и легкие наполнил крепкий табачный дым. Попал в глаза, от чего они, и без того красные и воспаленные, заслезились. Вот же черт.

– Для такого, как я, мистер Дэвис, – нервно потер глаза большим пальцем Дон, – Америка во всех своих проявлениях и местах одинакова. – «Не во всех. Чем меньше ирландцев кругом, тем живется спокойнее.» Доктор лукавил. Он остался здесь, на Юге, потому что на Севере было слишком много его вспыльчивых и любящих панибратство соотечественников. Жжение в глазах исчезло, и стало намного лучше. Доктор откинулся на спинку стула и чуть наклонил голову набок, глядя на Дэвиса. Чего он хотел добиться от него своими вопросами? Проверять на вшивость? – Я здесь повсюду иностранец, – неуверенно пожал он плечами, и сделал еще одну большую затяжку, да такую, что горло начало драть, – и повсюду, вроде бы, свой. Филадельфия, Оклахома, Калифорния, Миссури – для меня все они едины. Едины своей чужеродностью, вот так. – «Люблю-то я одну лишь Ирландию.» – Потому я не вижу смысла сниматься с этого насиженного места и двигаться куда-то дальше, туда, где все это придется проходить заново, так что...

Деньги? Все существо Дона встрепенулось и оживилось, когда речь зашла о долларах. У него были сбережения, но для обновления инструментов, лекарств и оборудования их было недостаточно. Однако, был еще голос, мрачный и не терпящий возражения, неумолимый. Совесть?

«Дэвис означает опиум. Опиум означает боль, позор и унижение. Ты не хочешь прозябать в этом порочном круге свою молодость, Дональд. Не хочешь, черт возьми!» Дону пришлось лишь мысленно отмахнуться от него.

– Что это за предложение? – МакГроу прищурил глаза, искренне не понимая, что такого мог предложить ему Дэвис, и как с этого можно было иметь деньги. Становиться его подручным и связываться с бандитами Дон не желал: простой жизни в этом городке и без того хватало для остроты ощущений. Так что же? – Я слушаю вас очень внимательно.

Уильяму было прекрасно знакомо то чувство, о котором говорил его собеседник – чувство своего рода отрешенности от всего и всех. Чувство чужеродности для всякого из присутствующих сейчас в этой зале. Дэвис прекрасно понимал МакГроу. Он сам был таким, родившись в Каролине и прилично поколесив по южным штатам США. Более того, сам он имел ирландские корни и одна лишь фамилия, пожалуй, говорила в нем об обратном.

– Я знал, что смогу вас заинтересовать. – начал Уильям после непродолжительного молчания, – Видите ли, док, я из той прослойки населения, которая все еще считает, что Америка – страна возможностей. Нет, больше, Стартаун – вот истинная непаханая почва, на которой можно взрастить все, что душе угодно. И однажды, десять лет назад, мой отец, прибыв сюда, принялся эту почву обрабатывать. Мы прибыли сюда по большой нужде, и, пожалуй, будь на то моя воля, я бы предпочел остаться где-нибудь в Калифорнии. Но нет, к сожалению или к счастью, Стартаун принял семью Дэвисов с распростертыми объятиями. – на несколько

мгновений Уильям решил приостановить свою вступительную речь и плеснул себе в стакан еще виски, после чего одним махом влил напиток себе в рот, – Итак, к чему я клоню, мистер МакГроу. Я хочу сказать, что всякому начинанию требуется развитие. А если не требуется, то потребуются рано или поздно. Так случилось и с моим бизнесом. Компания «Дэвис и Ко» существует уже много лет, и она неоднократно переживала то расцвет, то кризис, порою настолько жуткий, что он, буквально, стирал ее с лица этой страны. И, знаете, что, я думаю, прямо сейчас эта компания вновь переживает лучшие для нее времена, а потому я считаю своим долгом сделать так, чтобы этот беззаботный период продлился как можно дольше, и, разумеется, зарабатывать как можно больше денег. Я планирую в ближайшем времени расширение нашей сети. И мне бы очень пригодилась ваша помощь, док. Я знаю, вы лучший врач в округе, и именно эти ваши навыки мне и понадобятся. – Уильям откинулся на спинку своего стула и сунул руку в карман фрака, вынимая оттуда курительную трубку. Затем он щедро набил ее табаком и вытащил спички из другого кармана. – Так что же, мистер МакГроу, вам табаку или чего, скажем, покрепче?.. – Дэвис с намеком улыбнулся, предлагая трубку из своей руки в качестве жеста доброй воли, подобно индейской трубке мира, будто говоря: «Раскури ее со мной, и да станем мы друзьями и партнерами».

Дону явно следовало меньше пить для осознания элементарнейших вещей, потому что понимание сути предложения Дэвиса доходило до него словно поездное сообщение из Дублина до графства Клэр – то есть очень медленно, с невероятным напряжением мозговых клеток. Дэвис, по всей видимости, предлагал Дональду оказывать неотложную медицинскую помощь таким же потерянными для приличного социума наркоманам, как сам он. Иначе к чему эти слова о том, что он лучший врач, и отметка полезности его навыков? Черт побери, какая же горькая ирония пропитывала его изнутри. Вот что за неподходящее слово? И с каких пор он стал его употреблять? Но ведь правда – ему, злостному опиоману со стажем откачивать таких же еле живых уколотых доходяг? Судьба явно громко смеялась над ним. Возможно, на пару с Дэвисом.

Дон внезапно рассмеялся, но веселья в этом смехе не было и следа, только какая-то терпкая горечь. Ему вообще никогда не шло смеяться. Дон взъерошил свою нечесаную русую шевелюру и налил себе еще виски, да побольше. Под непонимающими взглядами окружающих его лицо моментально, почти ненормально быстро стало каменным. Пианист что-то разыгрался так сильно, что клавиши будто вбивались в живой и пульсирующий мозг доктор. Это было слишком быстро, не в его темпе. Доктор поднес пальцы к вискам и растер их, пытаясь прогнать из них чувство прилившей боли.

– Я понял вас, мистер Дэвис, – тихо произнес парень, заливая в себя алкоголь. Наверное, слишком быстро. Или нет. В любом случае, этого было еще далеко не достаточно. Дон отставил стакан в сторону. Втянул воздух со своего кулака, и вперился взглядом в пронизательные глаза Дэвиса, видевшие за свою жизнь столь многое, буравившие его в ответ не хуже двух сверл. – Правда, я... не до конца понимаю, как мне придется совмещать врачебную деятельность с... – Плечи Дона зябко передернуло. – С вашим предприятием. Как это будет восприниматься населением. И как это вообще отразится на моей жизни и работе. – «Деньги точно на тебе хорошо отразятся, ты не думал?» – Но это, естественно, – вздохнул доктор и уставился в стол, – только мои проблемы. – «Репутация твоя давно надломлена, Донни, родные, которым могло бы быть стыдно за тебя, далеко от этих мест. Семьи у тебя тоже нет. Чего тебе терять?» – Я согласен, мистер Дэвис. – Уже заметно пьяный ирландец принял из рук наркоторговца трубку, поднес к губам и медленно втянул в себя струйку сизого дыма. Непривыкшие к этому угощению слизистые тут же ответили раздражением, и доктор раскашлялся. Не любил он эти трубки. Лучше отдать ее владельцу и подкурить свои привычные сигареты. – Когда именно вы планируете это «расширение»?

Нельзя сказать, что Уильям был не рад. Мало того, нельзя сказать также и о том, что он был абсолютно спокоен. Так или иначе – прямо сейчас он, вероятно, заключил один из наиболее прибыльных союзов в истории своей компании после, разумеется, сделки с Чивалдори. Он видел глаза мужчины, сидящего напротив него, глаза красные и полные ненависти то ли к самому себе, за то, что соглашается, то ли к Дэвису, за то, что тот подстрекает. Пианист усердно долбил по клавишам, выбивая нотки каких-то кантри-мелодий, гулом отдававшие в головах посетителей, число которых, несмотря на позднее время, едва ли поредело. Скорее, оно даже возросло.

– Я рад, мистер МакГроу, что вы не поступили глупо и опрометчиво. Я уверен, это предприятие принесет нам много денег, но перед тем, пожалуй, я должен рассказать вам обо всем, что планирую сделать. И я расскажу. Сразу после еще одного вопроса: не желаете ли вы выбраться на улицу из этого прогнившего местечка? Судя по всему, здесь вот-вот начнется еще какое побоище вроде того, что было не так давно, а я бы предпочел отказаться от участия в этой затее.

Только драки ему, пьяному идиоту, сегодня и не хватало. Нет, доктор МакГроу среди своих друзей трусом и слабаком никогда не слыл, и был порой не против размять свои художавшие кулаки о чьи-нибудь лица в бесчисленных пабах Дублина. Ровно так, как и полагалось истинному сыну одной из самых «алкоголизированных» наций на всем белом свете. Но это все было давно, в прошлой жизни. Теперешний Дон был сторонником решения конфликтов дипломатическим путем, путем адекватного разговора. Он искренне надеялся, что те ребята не станут опускаться до позорного пьяного мордобоя и дебоша, которые заставит персонал салуна вышвырнуть их обоих за шкварник с крыльца прямо в лошадиное дерьмо. В противном случае, им будет поделом.

– Да, давайте-ка пройдемся... – Дон нервно расстегнул первую пуговицу своей, как обычно, наглухо застегнутой рубашки. Ему катастрофически не хватало свежего воздуха в этом алкогольно-дымном чаду. Однако, потом он намеревался вернуться сюда вновь – чувствовал, что после обсуждения предложения, от которого он уже не собирался отказываться, ему нужно будет хорошенько выпить и еще многое обдумать. Наедине с собой, разумеется.

Получив в ответ молчаливый кивок Дональда, Уильям опустил пробку на горлышко бутылки с еще недопитым виски, после чего ударил по ней так, чтобы она вновь закупорилась, и бросил в руки своему молчаливому приятелю, мистеру Гранту, все это время отсиживавшемуся где-то в стороне. Затем он сунул в зубы трубку и отправился прочь из салуна, пропустив МакГроу вперед себя. Весьма по-джентльменски, надо сказать, хотя док и не был дамой. На улице, по обыкновению этих мест, было не слишком тепло, хотя и прохладным такое состояние воздуха назвать было нельзя. Звезды сияли на чистом, темно-синем, ночном небе, отражаясь в расставленных возле порога салуна корытах с водой для коней.

Доктор вышел из салуна первым, с облегчением вдыхая в себя прохладный воздух надвинувшейся на город ночи. Ну давай, мистер Дэвис, выкладывай уже, что там к чему. По мере того, как тот говорил, в Доне все больше росла уверенность, что предложение ему выпало весьма дельное. Оборудовать курильни здесь в Стартауне... Людям можно будет не прятаться, словно крысам амбарным, не дыметь тайком на задворках домов заветный опий. Это было бы выгодным капиталовложением со стороны Дэвиса. Дон был согласен с ним и в том, что в этом углу городишке опиоманом был каждый второй. Если не первый. Даже сейчас из них двоих (если не брат молчуна Томаса в расчет) один употреблял.

– Что же, мистер МакГроу. Стало быть, пора выложить все карты на стол. Лично мне кажется, что раз в Стартауне есть опиоманы, значит должны быть и места, где они смогли бы этот опиум курить. Кроме того, как мы знаем, спрос рождает предложение, а первого, уж поверьте, в этом городе навалом. Таким образом, в ближайшее время я планирую обустроить свою собственную опиумную курильню. Здание уже выкуплено. Осталось обсудить лишь две

вещи: во-первых, мебель, с чем, я полагаю, проблем не будет; а во-вторых, собственно, ваша доля. Учитывая весь ваш вклад, док, как врача, я думаю, будет справедливо отчислять вам, скажем... – Дэвис отнюдь не был жадным человеком, однако в это мгновение он прекрасно понимал, что, не будь рядом с Дональдом его, МакГроу на вряд ли смог заработать больше, – Скажем, пятьдесят процентов от всей выручки с врачевания. По рукам?

– Я согласен, мистер Дэвис, – начал Дональд, поворачиваясь к Дэвису. Может потом удастся раскрутить его на долю побольше, но пока что доктор изобразил безоговорочное согласие. Ведь его, как врача риски были высоки – это надо будет каждый раз объясняться с шерифом в случае летальных исходов. А таковые могли быть – он сам однажды, после сильного стресса, чуть не откинул копыта передозировкой. Обнаглевшие от такой вольности местные ребята могут с легкостью не рассчитать доз. А собирать дерьмо придется ему, а не Дэвису. – Согласен на пятьдесят процентов. – Протянул руку наркоторговцу для рукопожатия. Оно вышло крепким. – Однако, есть условия, – он достал сигарету и подкурил спичкой. – Работать в этой так называемой курильне я буду по вечерам и ночам. В крайнем случае, – закашлялся он, когда дым задержался в легких чуть дольше, чем требовалось, – вызываете меня из дома в течение дня. Или оттуда, где я буду находиться. Вы ведь понимаете, что моя основная врачебная деятельность не должна от этого страдать? – Пепел дошел уже до середины сигареты, когда Дон соизволил его, наконец, встряхнуть. – Завтра я зайду к вам в лавку и там составим договор, как на это смотрите?

– Разумеется, док. – Уильям крепко сжимал руку собеседника, – работайте в то время, когда вам будет удобно. В случае срочной необходимости вашего вмешательства вас разыщут в городе и притащат в курильню незамедлительно. – воздух сегодня был необычайно чист. Пахло какой-то свежестью, тянуло прохладой, чего не всякий раз встретишь в этих жарких климатически местах. Техас редко выделялся прохладной погодой днем, однако ночью он регулярно преображался, окрашивая окружение какими-то новыми красками... Несмотря на относительную безжизненность и суровость, Уильям свыкся с этим местом и, можно сказать, даже полюбил его какой-то особенной любовью, привязался. И, пожалуй, многие здесь испытывали те же чувства к этой не самой благодатной земле – иначе же они бы давно сбежали куда-то на северо-запад отсюда. – Что касемо договора. Тут уж прошу меня простить, но неужто вы мне не верите? Неужели я за долгие годы проживания в этом городе не заработал доверия большей части его населения? Простите, но излишней бюрократии я не любитель, а потому, если особенной проблемы для вас это не составит, то я предпочту отказаться от затеи бумаго-марательства. По крайней мере, пока что, когда заведение еще не открыто. В конце концов, если между нами вдруг возникнут какие-то разногласия, кои мы не в силах будем решить самостоятельно, полагаю, вы всегда сможете обратиться к сеньору Чивалдори или, если же вы вдруг решите в тот день думать меньше, к мистеру Флетчеру.

Глава V. Знакомый незнакомец

– Либо бросай карты, либо уравнивай, Карлос. – с ухмылкой сказал Гарретт откинувшись на стуле и придавив свои карты бокалом с виски.

За столом салуна сидело пятеро – Гарретт Декер, Лао, Бен, Абель и Карлос. Китаец был у них за крупье, а все остальные играли. Игра была не только на деньги, но и на счёт в баре – тот, кто не выиграет хотя бы три партии из двадцати, платит за выпитое. На столе в данный момент лежало четыре карты – семь и пять черви, крестовая дама и ещё одна семёрка, но бубновая. Абель и Бен на данный момент уже сбросили карты, в то время как Карлос не спешил этого делать – у него на руках были две карты масти черви – шестерка и девятка. Любая карта той же масти – флэш, а если восьмерка – это уже стрит флэш и стопроцентная победа. Однако Декер не пасовал, и даже наоборот повышал ставку, что подкосило уверенность Карлоса.

– Да черт с ним! – сказал он с грохотом положив на кучу монет ещё одну, – четвертак. С тебя ещё пятнадцать центов.

Гарретт загадочно улыбнулся, и, придвинув к себе недавно положенную десятку, кинул в кучу монету в 25 центов. Лао отсчитал с верха колоды три карты и убрал их вниз, а четвертую положил на стол к четверем другим. Червовая дама. Карлос довольно ухмыляясь перевернул свои карты – флэш.

– Неплохо, сказал Гарретт, – будь это восьмерка – было бы здорово, и ты бы выиграл со стрит флэшем на руках. Но увы, тут просто флэш, в то время как у меня фулл-хаус.

Он снял с карт бокал и перевернул свои – крестовая семёрка и бубновая дама.

– Мне очень жаль, – с улыбкой сказал он, собирая монеты со стола, – я выиграл уже десять, так что я пойду и выкурю сигару, а вы сами решайте – платить за счёт втроём, или играть дальше. Стив, – крикнул он бармену, поднимаясь с места, – Дай ребятам ещё бутылку вне счета, я заплачу.

Он вышел из салуна и оказавшись на улице достал сигару, а Лао тем временем вынес ему стул.

– Такие трюки не прокатят если за столом будут серьезные игроки, – ухмыльнувшись сказал Декер покосившись на Лао.

– О чем вы говорите? – ответил тот по-китайски, – Я просто сдавал карты.

– Ну-ну, – кашлянул в кулак Гарретт, – Билли Джо тоже просто сдавал карты. В итоге Купер приказал своим парням разрезать его на пятьдесят две части. Или тот пройдоха Маккин-нон. Тоже любил сдавать карты. Обманул больше половины Бостона и сбежал обратно в Шотландию. Ублюдок только меня лишил тысячи! А сколько ему проиграл Крэй? Чтобы его обманывать нужно быть полным идиотом, надеясь, что Джимми Крэй не достанет тебя, если ты обул его на десять тысяч. Даже знать не хочу, что с ним сделали.

В Стартауне гремело празднество. Все увеселительные заведения были до отвала забиты посетителями, от чего к концу дня получили колоссальную прибыль. Не осталась в стороне и лавка Дэвиса, находившаяся неподалеку от центра города и имевшая весьма привлекательную вывеску. Сам же Уильям был довольно угрюм в этот, подобный Рождеству, но гораздо более пошлomu, греховному и в разы менее богоугодному, праздник. Впрочем, таковым он был уже с полтора десятка лет. Сначала война оставила на нем свой отпечаток, следом – смерть отца, а затем старуха с косой, извечно смотрящая из-за плеча подоспела и к его матери...

Словом, всяческого рода веселья он не любил и предпочитал держаться особняком от всего того пьяного люда, вышедшего на улицы, дабы отметить день начала лета за стаканом... кхм... точнее сказать, бутылкой, а еще точнее – десятком бутылок виски. Прямо сейчас Уильям по своему прямому обыкновению стоял на пороге салуна, покуривая трубку и выпускающая в кристально чистый слегка прохладный воздух тонкие струйки чернеющего дымка. Из зда-

ния доносились крики и музыка, смех. Пианист настойчиво долбил своими пальцами по клавишам, что, судя по всему, вызывало у посетителей восторг, доходящий порой до крайнего и искреннего хохота.

Уильям же чувствовал лишь боль в голове, улавливая малейшие музыкальные вибрации человека, сидящего в трактире за инструментом. «Идиот... он едва попадает по нотам.» – говорил порой сам себе Дэвис, пытаясь хоть на чем-то в тот момент сосредоточиться. Увы, вышло у него это не очень хорошо. А пианист и впрямь по нотам попадал не всегда – сам он, пускай и был на рабочем месте, выпил уже, пожалуй, одну, а может и полторы бутылки весьма забористого шотландского виски.

Вдруг, где-то в левом ухе Дэвису послышался скрип пендельтюра, что заставило его обернуться – из здания вышла парочка: довольно галантный и аристократичный, седеющий мужчина и несуразный азиат, начавший вдруг говорить, по-видимому, с боссом на китайском, кой Дэвис вполне неплохо отличал от несметного количества прочих азиатских языков. Пару мгновений он пытался взглянуть в лицо главного среди этих двоих. Уильяму казалось, что он видел его в городе пару раз, однако он прекрасно понимал, что тот человек в Стартауне новенький.

– Маккиннон – жалкий трус и тот еще пройдоха, – бесцеремонно и, пожалуй, весьма невежливо вклинился в диалог Дэвис, – Однако, боюсь, вы должны отдать ему должное: обмануть ему все же удалось немного большее количество людей, чем вам.

Гарретт даже растерялся от такого неожиданного вмешательства в их с Лао диалог и с полминуты разглядывал мужчину. Вот так вот, без соблюдения каких-либо манер он взял и вклинился в беседу! Да что же это за город то такой?! Никакого тебе «простите что вмешиваюсь» или «простите, я услышал ваш разговор». А потом ещё эти южане что-то говорят про янки! И ведь даже не удосужился представится хотя бы в конце!

«Не хочет формальностей? Ну ладно!» – подумал Гарретт и сделал вид, что не был возмущён.

– В этом есть своя правда. Но какой ценой? – сказал он наконец, – Рано или поздно люди вроде Маккиннона заканчивают примерно одинаково. Пусть я и проигрываю в том сколько я обдурил самыми разными способами, но по крайней мере мне хватает мозгов не связываться с людьми, месья которых может достать меня где угодно. А... вы... Вы знали Марвина? Бывали в Бостоне? Или он в поисках наживы повстречался вам в каком-то другом месте? Хотя честно говоря я больше склоняюсь ко второму варианту. Помнится мне, он часто трепался о том где ему довелось побывать. Даже про Китай говорил и пытался заговорить с моим слугой.

– Корявый кантонский диалект, – прыснул Лао сложив руки на груди, – лучше бы молчал!

– Да, – кивнул Декер не обращая внимания на то что мужчина не мог понять сказанного китайцем, – Даже я заметил, что говорил он очень скверно.

Получив ответ господина напротив, несколько раздраженный, надо сказать, что Уильям не мог не заметить, Дэвис лишь глухо хмыкнул с долей некоего непонимания.

– Да, Маккиннон встречался мне несколько в другом месте... – мужчина на пару мгновений задумался, снял шляпу, взяв ее в правую руку, свободную от трубки, и, наконец, поднял глаза на своих собеседников, – Помнится, в пятьдесят четвертом. Или, быть может, пятом. Тогда он прибыл на западное побережье, в городок Сан-Хосе, что в Калифорнии. Прекрасное место надо сказать...

В те времена Уильям только приехал в город со своей семьей. Компания отца тогда была на пике своего могущества, принося ему огромные доходы, что, разумеется, было связано с ведущимися в Китае Опиумными войнами.

– Да, думается мне, примерно в то время я и повстречал впервые человека, что назвался мне неким Джоном Смитом. Потом я, разумеется, узнал его настоящее имя. Шотландцы многое делают иначе, чем англичане, стоит заметить. А вы... – какая-то мысль вдруг озарила Уильяма: он вспомнил имя мужчины, стоящего напротив, – Вы бывали в Калифорнии, мистер

Деккер? Кажется, такую фамилию я слышал от своих людей, говорящих о приезде янки-аристократе.

– Да, вы правы – кивнул Гарретт, – я Декер. По крайней мере шотландцы не на столько... доставучие в отличии от валлийцев, которые гордятся своим языком, несмотря на то, что он у них довольно, – Гарретт недовольно сморщился, подбирая слово, – Убогий.

Разговор о шотландцах в лице Марвина Маккиннона вызывало у него желание высказаться не только о валлийцах, но и о самоуверенных ирландцах и мерзких французах которых очень много на севере, и которые раздражают окружающих громко и вызывающе разговаривая на своем посреди улиц и баров городов. И, естественно, хотелось сказать и о южанах, которые в большинстве своем словно из деревни родом – ни такта, ни манер, ни ухода за собой. Но он сдержался. Гарретт сосредоточился на вопросе о Калифорнии.

– Проще назвать места где я еще не был, – с улыбкой ответил он – Аляска, Аризона, Мэн, Колорадо. Не везде конечно я был в главных городах штата, но за свою почти двадцатилетнюю карьеру я был практически везде, и должен с вами согласиться – это действительно прекрасное место. При чем во всех смыслах – от природы до места где можно начать очень прибыльный бизнес, – Гарретт закурил свою сигару, – Знаю достаточно людей, которые будучи мелкими ремесленниками да жуликами судя по слухам довольно хорошо там устроились. Хотя вполне достаточно и тех, кто прочно стоит на ногах оставаясь на месте. Я знаком с Фрэнком Костелло из Пенсильвании, его влияние так велико, что упоминание его фамилии как знакомца даже в Висконсине и Кентукки поднимает уважение к вам. То же самое могу сказать и про Джеймса Хикока из Канзаса. Очень уважаемый человек. Но я не думаю, что все эти имена вам хоть о чем-то говорят. Техас есть Техас, и здесь нужно знать местных героев чтобы люди с тобой считались, а я, увы, могу только похвастаться заочным знакомством с губернатором Элайшей Пизом.

– Уильям Дэвис. – поспешил представиться он, вставив свои слова в середину фразы недоговорившего о валлийском Декера.

Уильям внимательно слушал Гарретта Декера. Сейчас ему он казался лишь заносчивым и высокомерным выскочкой, который спешит потешить всякого встречного рассказами о своих похождениях и весьма высокопоставленных знакомствах.

– Вы правы, мистер Декер. Имена эти мне мало о чем говорят, да и будь это наоборот, я бы все равно на вряд ли стал уважать вас больше, услышав их в диалоге. Техас не то место, где людей судят по связям, надо сказать. – на секунду Уильям сунул мундштук своей трубки в рот и сделал глубокую затяжку, вскоре выпустив клубок дыма из-за своих губ, – Впрочем, знаете, если я когда-нибудь окажусь в вашем этом Бостоне или Пенсильвании, то обязательно упомяну о некоем господине Костелло как о своем давнем знакомце. К слову, кто он? Макаронник? Или, быть может, португалец какой?..

Как и следовало ожидать – так называемая «проверка боем» не принесла результатов. Ни одно из названных имен не произвело никакого эффекта, а значит в случае проблем можно было рассчитывать только на охрану, свой язык, да денежные запасы.

– Макаронник, – кивнул Гарретт, – К слову до определенного момента был им во всех смыслах. Но когда была война резко повысил свое влияние, и после ее окончания только наращивал обороты, – Гарретт сделал небольшую паузу для очередной затяжки, – Уж не знаю, чем он там занимался в Филадельфии, мне в те годы было не до этого – Бостон был полон всякими переселенцами, которым в большинстве своем чтобы не голодать приходилось хватать что плохо лежит или угрожать в переулке. Господи, не дай нашим детям пережить это...

Воспоминания нахлынули на него и к горлу подступил ком. Не только на передовой творились страшные картины. В тылах было не многим лучше. Мальчишку из Флориды толпа разъяренных чернокожих превратила в неузнаваемый фарш только потому что он с юга. Детишки мадам Блонски радовались мясу на рождество, но не понимали где их младший брат

и почему мама плачет. Десятки калек на улицах, просивших кусок черствого хлеба повторяя «я воевал за вас». Декер все это видел, и предпочитал иметь десятки не чистых на руку знакомцев что могли помочь не видеть всего этого за богатым столом шикарного особняка, обнесенного высоким забором чем иметь хоть призрачный шанс пережить это снова.

Сделав вид что он просто выдыхает дым, он глубоко выдохнул и провел рукой по лицу, а потом вновь приветливо улыбнувшись повернулся к Дэвису:

– А вы с кем встречались в своих путешествиях кроме Маккиннона и где бывали?

– О, я повидал многих людей. Кое-кто из них был тем еще ублюдком, а кое-кто, как Маккиннон, например, относительно неплохим человеком. Некоторые, как, к слову, и вышеупомянутый, смогли стать мне партнерами и друзьями, пусть и на некоторое время... – произнеся это, Дэвис на мгновение задумался, а стоило говорить о подобном? Вскоре он постарался перевести тему, – Моя семья переехала в Калифорнию в бородастых пятидесятых. Из Каролины. Северной. Шарлот – вы, быть может, слышали. Из Сан-Хосе волей случая и судьбы нам пришлось двинуть назад на восток. Так и вышло, что я осел в Техасе. Впрочем, знаете, война принесла еще некоторое количество путешествий в мою жизнь...

Вскоре после этих слов Дэвис, как и его собеседник, погрузился в воспоминания. Он представлял не щадящие никого созданные природой окопы близ поймы реки Миссисипи в невероятно влажном климате одноименного штата. Он вспоминал, как десятки, а может и сотни северных винтовок встретились им на пригорке близ города, под названием Чаттануга; как один из ублюдков-янки выпустил несколько пуль подряд в его отца, почти тут же павшего замертво. Уильям пережил многое в своей жизни. Помнится, однажды ему довелось наблюдать труп собственной матери, застрелившейся на соседнем с церковью кладбище. Что уж говорить – за время движения всей этой череды событий он научился разбираться в людях, и Гарретт Декер был, пожалуй, не из тех, кому ирландец хотел бы что-то рассказывать. По крайней мере, не сейчас, не при первом же их знакомстве.

– Дэвис из Северной Каролины... – задумчиво пробормотал Декер, а потом продолжил громко, – Уж не Карл ли Дэвис, занимавшийся перевозками? Вам знакомо имя... Лао, как его там?..

– Лу Дунцзю?

– Именно! – щелкнул пальцами Декер, – Если да, то я слышал эту фамилию. Так то был ваш отец?

Гарретт подскочил со стула словно тот под ним загорелся и подошел к Дэвису, протягивая руку:

– Почти семнадцать лет назад оба поспособствовали тому, что семья Лао, и не только, оказалась на восточном побережье, а не осталась в Китае где могла погибнуть. Мистер Дэвис, считайте, что мои связи и ваши, и я готов оказать посильное содействие в возвращении вашего семейного бизнеса на прежний уровень.

Уильям лишь в недоумении смотрел на Декера. Этот человек знал его отца? Что за вздор! Отец Дэвиса, конечно, якшался со всяческой аристократией, особенно когда был богат, но, чтобы иметь связи в Бостоне? Черт, пожалуй, Уильям хотел бы занять столько же друзей, сколько в свои годы имел его отец. А Карл Дэвис имел их множество. Причем то были знакомцы всех мастей – от губернаторов до местных криминальных авторитетов и простых жуликов-одиночек.

– Посильное содействие?... – Уильям, не меня удивленного выражения лица, вновь надел шляпу и, освободив руку, протянул ее Декеру, пожав в ответ, – Что вы имеете в виду?..

– Пока конкретно ничего сказать не могу, но предположительно – найти новых инвесторов, провести переговоры о перевозе товара через налаженные каналы поставок, на которых они не будут облагаться государственными пошлинами, покровительство влиятельных людей на местах. Возможно еще что-то, мне нужно знать в чем именно вам может понадобиться

помощь и провести необходимые переговоры. Чтобы еще больше прояснить свои мотивы я расскажу вам одну историю. Я был молодым специалистом около двадцати восьми лет, и только вернулся в Бостон после своей первой командировки в Луисвилл. В кармане были первые заработанные деньги, а я был глуп и решил отказаться от экипажа, который довез бы меня прямо до дома и решил прогуляться по родным улицам. Не сложно догадаться что я привлек внимание местных воришек, не чуравшихся угрожать расправой. Не хочу думать, чем бы могла закончиться встреча с тремя бандитами если бы в закоулке, куда меня затащили, Лао, работавший за полтора доллара в местной бакалее, не выбрасывал мусор. Он защитил меня и довел до дома, и с тех пор работает на меня. А в пятьдесят третьем он получил сообщение, что его семья на торговом судне в сопровождении кораблей Лу Дунцзю плывет в Калифорнию. Предоставлявший на тот момент для меня услуги охраны Саймон Купер был знаком с Карлом Дэвисом, которому предназначался товар и вместе они устроили их переезд в Бостон... Вот уж не думал, что судьба способна так свести людей...

Ситуация была в действительности удивительной. Дэвис не верил в судьбу, а потому не желал выражаться так, как выразился его новый знакомец. Впрочем, он, пожалуй, все еще не до конца понимал ситуацию, не мог ее осознать. История показалась ему весьма занятной ведь в те времена, пожалуй, редкий торговый корабль не принадлежал компании Карла Дэвиса.

Уильям молчал. Он всецело погряз в своих собственных размышлениях об отце, его связях и, быть может, смысле его брэнного бытия на этой бесславной земле. Теперь Дэвис обзавелся еще одним знакомством. Постепенно он расширял круг своих партнеров, что, пожалуй, не могло не радовать, однако Уильям не радовался. Он стоял перед Декером все с тем же недоумением на лице, пытаясь разобраться, чем же все-таки может быть полезен его бизнесу бостонский аристократ, подобный тем, какие однажды разорили компанию его отца.

Вдруг, где-то вдалеке послышался топот копыт, гулкое фырчание лошади.

– Стой! – прикрикнул всадник. Позади себя, держа за поводья, он вел еще одного скакуна, – Мистер Дэвис? – наездник приблизился к салуну, – Как и просили.

– Что же, кажется, мне пора, мистер Декер. – Дэвис, наконец, перестал пожирать взглядом то Гаррета, то его спутника, то окрестности, переведя его на некоторое количество мгновений на нового пришельца, – Полагаю, мы еще успеем с вами поболтать. Если решите поговорить еще, заходите непосредственно ко мне или в мою лавку, я там частенько бываю. Либо, быть может, вы решитесь прибыть в «Дымящую Королеву». Она открывается на днях. Всего доброго.

Закончив диалог, Уильям еще раз пожал собеседнику руку, после чего спустился с порога салуна, резво влез на своего коня и, пнув его по бокам, поскакал вперед...

Глава VI. «Дымящая Королева»

– Сюда! Сюда вносите!

С самого утра Дэвис бегал по городу, решая насущные вопросы, связанные с открытием его нового заведения. Прошла неделя с момента его встречи с мистером МакГроу, добровольно решившим присоединиться к, что уж тут скрывать, весьма многообещающему бизнесу. Ту же неделю назад он заказал у местного гробовщика мебель. Много мебели. А сейчас, собственно, вся она была готова, и люди господина Вальтера Шиммера с некоторой робостью в движениях втаскивали очередную кровать в здание.

– Сюда, сэр?.. – все также робко интересовался один из мужчин, молодой чернокожий парень, безбородый и обритый почти на лысо. Очевидно было, что этот паренек из бедной семьи бывших рабов, не решившихся на возвращение к своему хозяину после принятия тринадцатой поправки к Конституции.

– Да, бросайте тут. Придвиньте ближе к стенке. – слова Уильяма несколько заглушил звук рухнувшей наземь кровати, довольно массивной, стоит сказать. – Кажется, это последняя...

Разобравшись с делами в будущей курительне, Дэвис направился на улицу и вынул свою сигару. Следом за ней рука достала из кармана спички, которые вскоре убрала назад, а вместо них вытащила увесистый бумажник, полный однодолларовых банкнот. Отсчитав ровно двадцать три таких бумажки, Уильям передал их в руки Шиммеру, на что тот вежливо поблагодарил клиента, сняв на пару мгновений свой цилиндр и сверкнув лысиной.

Здание, на деле являвшееся бывшим домом Томаса Гранта, который собственноручно подарил его Уильяму Дэвису за доллар, теперь засияло новыми красками: внутри был сделан полноценный ремонт, поставлена новая мебель, оборудованы места для сна, работы и, разумеется, употребления всех тех веществ, которые по планам Уильяма планировалось тут продавать. В качестве сотрудников была привлечена пара людей, предоставленных сеньором Чивалдори. Первый, Родриго Санторо, по прозвищу Шрам, внушал страх едва ли не во всякого, кто его встретит на улице или где-либо еще. Всему виной обезображенное некогда рваной раной лицо. Оставшийся шрам проходил по всей правой его части и в действительности был пугающим. Второй же господин, Лоуренс Эль-Лазо, был гораздо менее ужасающ, однако в то же время не менее жесток и беспощаден со своими врагами. Иными словами, парни, подобранные Дэвисом, были настоящими мастерами своего дела, способными и охранять, и торговать, и вести бизнес.

– Будем! – через некоторое время четверо мужчин уже сидели в столовой курительни, над которой теперь красовалась надпись «Reina Numeante». Звенели стаканы, слышались голоса и смех людей внутри: Дэвис и его люди отмечали открытие нового прибыльного дела за бутылкой виски.

Впрочем, праздники никогда не были в духе Уильяма. Он их не любил, а потому довольно скоро стал просто сидеть, периодически отхлебывая напиток из стакана и не принимая участия в оживленной беседе о новых официантках в салуне и прибывшем сюда не так давно каком-то мужчине с севера, по словам, весьма грамотном, богатом и влиятельном. Мексиканские друзья Дэвиса в свою очередь старательно рассказывали Томасу историю о Досе Мартеллосе, ускорившем в закат на своем коне и перебившим почти два десятка человек мэра, отправившихся в погоню. Все же банда Чивалдори, несмотря на тесное соперничество с Флетчером и его прихвостнями, оставалась весьма сильна и влиятельна.

Следующий день был знаменательным для «Дэвис и Ко». День открытия «Дымящей королевы». С самого утра двери ее были уже не на замке, а внутри копошился персонал в ожидании новых клиентов. Более того, Дэвис даже собственноручно начиркал несколько объявлений об открытии и развесил их по всему городу.

Да, третье июня было поистине знаменательным днем для Дэвиса и его компании. Открытие «Дымящей Королевы» состоялось сегодня. По этой причине здесь находились, пожалуй, все ключевые фигуры «Davis&Co»: Томас Грант, Лоуренс эль Лазо, Родриго Санторо и, конечно же, сам Уильям Дэвис. Сейчас он находился в главном кабинете вместе с казначеем и смотрителем курильни и готовил какие-то мало кому интересные бумажки – очевидно, перечень имущества и какие-то сметы да отчеты, вернее сказать, формы, по которым оные нужно было заполнять. Все это Дэвис старательно изъяснял своему спутнику, на что сеньор эль Лазо столь же старательно кивал, пытаясь впитывать информацию.

У входа в здание же стояла вторая пара героев. Шрам о чем-то беседовал с Грантом, а тот чуть менее резво старался отвечать ему на испанском, однако, когда ему это не удавалось, не гнушался использованием английских слов, в ответ на что Санторо лихорадочно заливался хохотом. В такие моменты Дэвис, пожалуй, раздумывал об организации собственных празднеств, закатывании пирушек на весь их небольшой городишко, однако довольно скоро он приходил в себя и осознавал, что кошелек у него отнюдь не набит деньгами, как был некогда у его отца. Теперь же все, чем обладал Уильям, можно было перечислить на одном небольшом клочке бумаги.

– Добрый день, господа. Я слышал, вам требуется курьер. С кем можно поговорить на этот счет? – довольно суровый мужчина лет под сорок стоял перед «привратниками».

– Курьер?.. – Шрам с недоумением глянул на своего спутника.

– Да, кажется, Уильям говорил мне о чем-то подобном, а я и забыл тебя предупредить. – Гранта в действительности предупреждали о том, что неизвестный с бумажкой в руке может явиться в «Дымящую Королеву» в поисках работы, – Идем, я вас провожу.

Томас распахнул дверь перед лицом бородатого мужчины, которому, пожалуй, не хватало лишь сигары в зубах или револьвера у виска, чтобы казаться еще более устрашающим. Внутри уже витал сладкий дымок с привкусом опия, выходящий из нескольких трубок лежащих на своих кроватях посетителей. Небольшой коридор, и вот перед лицом спутников возникла мощная дверь, запертая на ключ. За ней-то и находился кабинет смотрителя этого места.

– Прошу. – произнес Грант и постучал в дверь, после чего та отворилась.

– Интересное у вас заведение, господин... – мужчина увидел человека с не столь пугающей внешностью, как его подчинённые, поэтому тут же расслабился и с облегчением выдохнул.

На пороге кабинета стоял неизвестный. Казалось, Дэвис когда-то видел его уже в городе, однако скудная память на лица на вряд ли могла помочь сказать об этом точно.

– Да, пожалуй, вы правы, сэр. – Уильям на секунду глянул в лицо пришельца, а после вновь уставился в бумаги и, не отрываясь от них, продолжил, – Вы, полагаю, по какому-то конкретному вопросу? Иначе, как вы можете заметить, я несколько занят.

С этими словами он рукой отмахнулся от эль Лазо, которому доселе что-то активно объяснял, а тот, в свою очередь, отошел от стола, приблизившись к двери кабинета, пропуская вошедшего на свое место.

– Итак, быть может, определимся с вашим именем, мистер?.. – Дэвис сделал паузу в разговоре и протянул последний слог, ожидая, что пришелец продолжит фразу.

– Зовите меня Шерманом Смитом. – произнес конфедерат и прошел к освобожденному месту, осматриваясь в поисках стула. Так и не найдя места, где можно присесть, Шерман обратился к Дэвису, – Так вот, сэр, вы, как я понимаю, ищите себе курьера, а я ищу работу. Думаем, мы можем дать друг другу это все. Мой конь быстр и ловок, подобно, черт побери, бенгальскому тигру. А на случай нападения бандитов при мне всегда есть мой верный револьвер, способный продырявить любого зарвавшегося бандита с большой дороги. Уверяю вас, сэр, ваши заказы будут доезжать в целостности и сохранности.

Уильям вновь взглянул в лицо мужчины как только тот назвал свое имя. «Смит?» – вдруг пронеслось у него в голове, – «Либо он не хочет называть своего настоящего имени, либо у меня в действительности уже выработалась паранойя...»

– Что же, мистер Смит. Полагаю, вы осознаете, что груз, кой вам предстоит вести, весьма дорог, мало где распространен и довольно-таки объемен? Скажите, вы располагаете возможностью перевозки подобного багажа? Смею полагать, простая лошадь на вряд ли выдержит всю поклажу...

С этими словами Дэвис отодвинул свои бумаги и отложил перо, после чего он пристально взглянул в глаза собеседника, скрестив руки под своим подбородком.

Шерман заметил перемены в лице Дэвиса, тот будто не поверил услышанному. Это немного возмутило Шермана, но потом он понял, что оно и понятно. Когда к тебе в офис заваливается незнакомый мужик с таким видом, будто раза 2 грабил банк, с предложением о работе, немудрено и занервничать. Да и он сам в городе почти неизвестен, так как редко появлялся в нем и мало с кем общался. Впрочем, общаться ему сейчас мало хотелось, сейчас ему хотелось найти себе работу, накопить денег и купить себе ранчо, а после... А после – будь что будет.

– Понимаю, сэр, хороший курьер порожняком не ездит. Но не волнуйтесь, моих средств достаточно, чтобы купить телегу или крытую повозку, а мой мустанг спокойно ее вытянет. А возить дорогостоящей груз я научился еще в Кентукки, – здесь Шер немного приврал, так как возил он по большей части обозные телеги, и то с редкостью, с какой в покере выпадает роял-флеш. Но стоит отметить, что груз в обозе имел материальную ценность не в деньгах, но в войне, так как без него запасы воды и еды быстро бы иссякли.

Уильям задумчиво вглядывался в даль, периодически окидывая взглядом и фигуру пришедшего к нему ганфайтера. Именно таковым он казался Дэвису – человеком, чье дело может заключаться лишь в выбивании зубов да вышибании мозгов, но никак не в ответственных поручениях по перевозке ценных грузов. Впрочем, уже в тот момент Уильяму пришла в голову занятая идея, коей он, вопреки своим опасениям, намеревался заняться прямо сейчас. В конце концов, тот максимум, кой он мог в тот момент потерять, – это время. А им в Стартауне располагали все, делать тут было особенно нечего...

– Знаете, мистер Смит. – обратился, наконец, к стрелку хозяин курильни, – Я бы, если позволите, предложил вам несколько иной исход событий... – еще на мгновение Дэвис замолчал, ожидая одобрительного кивка и вопросительного взгляда Шермана, – Давайте, пожалуй, сделаем следующим образом...

Затем Дэвис сказал довольно много слов, кои, вероятно, будет неуместно помещать в сей абзац по самым различным причинам. Из всего того монолога, смею полагать, ключевой будет мысль о том, что Шерману Смигу следующим вечером необходимо будет прибыть в поместье Дэвиса, дабы взять его фургон на выше обсужденное дело. И, в случае, если Шерман со всем справится, Уильям пообещал ему найти больше работы подобного рода...

– Дымящая королева... – усмехнулась мексиканская девушка, обращаясь к сопровождавшим её троем стрелкам, – Не кажется ли вам, парни, что название слишком уж пафосное?

– Си, сеньорита, – закивали телохранители, – Даже очень.

– Ну, кто бы сомневался, что вы согласитесь, – пробубнила она сквозь зубы и толкнула дверь в курильню.

Помещение внутри было обычным и на роскошь не претендовало. Навстречу вышли двое незнакомых ей мужчин, оба вооружены. Оба явно были из вольных стрелков.

– Что вам угодно, сеньорита? – осведомился тот, что выглядел поумнее и явно был тут за управляющего.

– Я Сальма Чивалдори, если не поняли. Гадюка. – девушка окинула обоих оценивающим взглядом, – Ищу мистера Дэвиса, у меня к нему деловой разговор...

Уильям Дэвис, проводивший пару часов назад своего нового знакомого и договорившийся с ним о сделке, мирно просиживал свои штаны в кабинете, продолжая пыхтеть своей трубкой и читать что-то, периодически подчеркивая и выделяя текст, что-то записывая. Последним, чего он тогда мог ожидать, было то, что какая-то дама, надо сказать, по виду в жизни весьма состоявшаяся, довольно дерзко и бесцеремонно ворвется в его кабинет. Ни каплей вежливости от нее не разило даже при самом ближайшем рассмотрении. Впрочем, дерзостью Дэвис был грешен и сам. Отчасти он даже уважал подобного рода действия.

Услышав фамилию пришелицы пара, призванная стоять на стороже в главном зале курильни переглянулась, скосив друг другу довольно странные рожи. Никто из них не понимал, какие дела Дэвис может водить с этой женщиной, хотя фамилию ее знали все. Также, как и знали то, что человек, носивший ее и являвшийся самым старшим в их *la familia*, был, по совместительству, одним из ближайших в городе друзей Уильяма. Так или иначе, услышав слово «Чивалдори» из чьих-либо уст, любой в этом городе мог сделать для тебя все. Так, собственно, и поступили работники «Дымящей королевы» – привели девушку в кабинет к хозяину.

– ¡Señorita Civaldori! Encantado de verle. Давненько не видел вас в городе. Где же вы пропадали?.. – Уильям сидел за своим столом и продолжал что-то читать, когда в комнату вошла непонятная фигура, довольно резво. Он отодвинул записи и устремил свой взгляд на девушку, а Томас, сидящий на дивной софе сбоку от него, миготом потянулся к револьверу, лежащему в кобуре, однако, увидев знакомое лицо, передумал совершать необдуманных поступков и столь же резво, как Сальма вошла в кабинет, убрал руку от оружия, приведя ее в исходное положение на спинке дивана. – Впрочем, по *importa*. – решил, было, в один миг Дэвис, – Полагаю, сеньорита, вы здесь не просто так?

Гадюка была не удивлена, когда приятель Дэвиса начал хвататься за оружие, такое не редко бывало в её присутствии, если бы она хотела, то, вероятно, могла бы опередить обоих. Она была быстрой, а на такой дистанции это куда важнее меткости. Но девушка пришла не ради войны. У неё был другой интерес.

– Buenas tardes, señor.– улыбнулась она и села на стул, закинув ногу на ногу, показывая, мирные намеренья, – Не предложите ли даме выпить? – Смотрела она на Дэвиса с лукавой улыбкой, а села так, чтобы выгоднее подчеркнуть все изгибы своей точёной фигуры, – Я пришла по делу, верно, – лукавая улыбка сменилась на серьёзное выражение лица, – Вы с моим отцом пока не договорились о его доле в вашем новом деле. А я пришла это обсудить. Кроме того, у меня есть к вам одно предложение, но это немного позже.

Уильям махнул рукой, бегло взглянув на Лоуренса, и кивнул, будто говоря тому, что прямо сейчас необходимо внести в этот кабинет пару стаканов и сосуд с чем-нибудь покрепче. Вскоре эль Лазо показался в дверном проеме. В руках он нес бутылочку отменного шотландского виски, которая вскоре вальяжно была размещена Дэвисом на столе. Поставив перед Сальмой, дочерью сеньора Энрике Чивалдори, стакан, он бережно плеснул в него немного напитка, следом за чем, как подобает любому джентльмену, то же сделал и со своим бокалом.

– Прошу, угощайтесь. – произнес Уильям, после чего сидящая перед ним дама отхлебнула сделала глоток. Затем она снова заговорила. – Lo Siento, Señorita, но о какой доле речь? – Уильям поспешил отставить стакан в сторону и вновь сделал продолжительную затяжку из своей трубки, – Я работаю с вашим отцом очень давно. Он не один год проработал с моим отцом и нашей компанией. И, прошу заметить, все эти отношения строились на одних и тех же условиях. Мне никогда не требовалась защита от сеньора Чивалдори. Мои люди получают свою заработную плату напрямую от меня и пока что мне вполне хватает того уровня безопасности, который они могут мне обеспечить. В обмен на неприкосновенность моего бизнеса со стороны вашей семьи и ваших людей я согласился закончить все дела, которые вел мой отец с мистером Флетчером, а также продавать вам мой товар по цене вдвое ниже рыночной, дабы вы могли беспрепятственно распространять его дальше на западе и на северо-западе. Поэтому я, *con*

el debido respeto, считаю нынешние условия выгодными для обеих сторон и надеюсь, что вы со мной будете согласны. – закончив свою довольно длительную речь, Уильям, обремененный с детства талантом к риторике и ораторскому искусству, вновь взял стакан и, отхлебнув из него немного, снова затянулся табаком из трубки.

Девушка попробовала виски, он и правда был хорош. Потом она стрельнула глазами в сторону приятеля Дэвиса, имени которого не знала, и провела языком по губам.

– Я всё это знаю, мистер Дэвис, не держите меня за дуру, – тон её был благожелателен, а вот взгляд холоден как сталь, – так было, пока вы продавали свой товар в лавке. Теперь вы открываете заведение, а все заведения города платят или отцу, или Флетчеру. Иначе в этом городе не будет ставка тоже обычная одна пятая от прибыли и не пытаться обманывать. Мистер Ларрик, хозяин отеля, хотел обмануть отца, скрывал часть доходов. Мы оба знаем, что стало и с ним, и с его отелем. Отец намерен и дальше вести с вами дела, так что это разумная и честная плата. Или вы уже решили платить Флетчеру? Отца это сильно расстроит. Он ведь считает вас другом. Не надо бы с ним так. – потом Сальма усмехнулась и откинулась на спинку стула. Взгляд её стал немного игривым, как у котёнка, собирающегося поиграть с клубком, – Но, отец позволяет мне вести часть дел и я намерена сама заняться вашей Королевой, – Гадюка подмигнула Дэвису, – вы будете платить мне 15% и получать всё тоже самое. Ну, и может ещё иногда закрывать глаз на некоторые мелочи. Что скажите, señor?

Уильям с несколько гневным, едва заметным прищуром смотрел на Сальму, иногда поглядывая то на Шрама, то на Гранта, что были неподалеку. В конце концов, он поднялся со своего места и подошел к окну, вид из которого открывался на задний двор, также принадлежащий курильне.

– Вы не правы, мисс Чивалдори. Я не веду дел с Флетчером и четко следую предписаниям нашей с вашим отцом сделки вот уже более десяти лет. Полагаю, и вам следует следовать ей, ведь я уважаю вашу семью и сеньора Энрике. Смею полагать, у мексиканцев сохранились те качества, кои уже немногим присущи в наше дрянное и прогнившее мире: честность и уважение. – все это Дэвис сумел проговорить, стоя к пришедшей спиной. Он прекрасно понимал, что ему она нужна меньше, чем он ей, а потому позволял себе некоторую степень гордости и, быть может, даже высокомерия, хотя таковым он никогда не был. Наконец, мужчина развернулся к Сальме и, поставив стакан на стол, произнес, – Но, вероятно, эта сделка все-таки неизбежна и, полагаю, мы можем ее сделать выгодной для нас обоих... Я предложу вам выход, señorita, но перед этим скажите мне, какие дела вы планируете проворачивать в моем заведении? Что это за «некоторые мелочи»? И как они могут отразиться на сеньоре Энрике? В конце концов, он мой давний друг.

– О, – на секунду Сальма задумалась, взгляд ее опустился и стал совсем не таким игривым, каким был пару мгновений назад, – Знаете, мистер Дэвис, ничего особенного. Простые дела, мои личные дела. На отце это, само собой, никак не отразится. Лишь принесет выгоду нам всем. Так что же вы хотели предложить? – глаза девушки вновь засияли, и она уставилась на хозяина курильни.

– Я бы хотел предложить вам иную сделку. – пара секунд прошла, прежде чем Уильям продолжил, – Что скажете, если я предложу вам отдавать семь процентов от своего дохода? Кроме того, все условия нашей предыдущей сделки останутся в силе, а также я обещаю не толкать наркотики людям Флетчера из «Дымящей королевы». Разумеется, я надеюсь на ваше покровительство и защиту от прочих группировок этого городишки. Ну так что, по рукам?

– По рукам! – вскрикнула Сальма, немного помедлив, а затем пожала руку мужчины, стоящего с иной стороны стола, – Рада, что мы сумели договориться.

– И я. – спокойно ответил Дэвис, после чего прошла еще пара секунд, прежде чем рукопожатие прекратилось, – А теперь, сеньорита, позвольте преподнести небольшой подарок вам и вашему отцу. Я знаю, что он любит хороший виски. – с этими словами Уильям вновь мах-

нул рукой Лоуренсу, говоря принести новую бутылочку шотландского, – Прошу, передайте это ему. А вот что любите вы, мне, к сожалению, пока что узнать не удалось. Сигары? Алкоголь? Табак? Или, быть может, желаете попробовать мой товар?..

– Ну, – девушка на секунду задумалась, – я люблю хороший виски и крепких мужчин. Табак, нет, мне не нравится его запах. А что до вашего товара, я пару раз пробовала, очень недурно, но отец против того, чтобы я им злоупотребляла. Так что как-нибудь потом. – Сальма снова вделала небольшую паузу, а потом окинула кабинет взглядом, появилось чувство, что ей что-то пришло в голову, – Скажите, мистер Дэвис, – она склонила голову на бок и лукаво стрельнула глазами в мужчину, – а в вашем заведении предусмотрена комната для особых гостей. Скажем так, место где могут провести время состоятельные люди, а то, во общем зале как-то... неуютно. Да и лишние глаза и уши... Ну, вы понимаете.

– Мне льстят ваши слова о моем продукте, но что уж тут сказать. – в таких делах Уильям не был застенчив, – Он действительно качественный, хотя и единственный в своем роде на местном рынке. Понимаете, я бы мог производить дерьмо и толкать его людям, наркоманов после войны много, и с каждым годом их становится только больше. Но я... – Дэвис на секунду задумался, после чего решил привнести в беседу немного скромности, коей этой даме явно не хватало, – Вернее сказать, мой отец был другим человеком. Он не пытался увеличить собственную прибыль за счет других, что, вероятно, и привело отчасти к почти всеобщей к нему нелюбви... – в один момент Уильям, было, ушел в свои размышления о собственных воспоминаниях, но вскоре опомнился, – Сеньор Лазо, не затруднит ли вас принести еще бутылочку сего прекрасного шотландского виски для леди?..

– Сию секунду, сэр. – эль Лазо кивнул и удалился в погреб, где, наряду с алкоголем хранилась также и часть товара. Взяв бутылку, он осмотрелся, вновь замкнул погреб на ключ и направился назад, к хозяину заведения, – Это последняя, мистер Дэвис. – произнес тот, будто с некоторым упреком, мол, какого черта Уильям раздает алкоголь, купленный для сотрудников, какой-то девке. Но эту девку на вряд ли можно было назвать «какой-то». Она была самой что ни на есть конкретной девкой: дочерью Энрике Чивалдори, босса сильнейшей из стартаунских банд.

– Спасибо, Лоуренс. – произнес Дэвис, а после обратился к Сальме, – Вот, прошу, это для вас. – к тому моменту Гадюка уже успела задать вопрос об особой комнате, – Для состоятельных гостей? Боюсь вас расстроить, но, полагаю, специально отведенного помещения для таковых нет. Впрочем, если вы желаете, мистер эль Лазо вполне способен освободить вам одну из общих комнат, на некоторое время переместив лишнюю мебель в холл или в одну из прочих спален. Мы планируем расширение, мисс Чивалдори, – с этими словами Уильям чуть отстранился, встав от девушки сбоку, и открыл ее взору вид на окно, за которым был пустырь, поросший агавой и степными травами, – Вот тут, смею полагать, в скором будущем мы сумеем расположить второе здание. Для, как вы выразились, «особых гостей». – на пару мгновений наступила тишина, но затем Дэвис продолжил, – Не разрешите ли поинтересоваться, для чего вам вдруг понадобилась такая комната?

Гадюке очень понравилось обращение Дэвиса, этот человек явно был умён, да и к женщинам знал подход. «Эх», – мелькнуло у неё в голове, – «Будь он лет на десять моложе...» Но, она быстро отбросила лишние мысли.

– Благодарю, мистер Дэвис, – девушка оценила подарок, в хорошей выпивке она разбилась, – я вам признательна. Думаю, что наша дружба ещё принесёт свои плоды. В конце концов, отец уже не молод, так что скоро я встану во главе всего его дела. Что до комнаты. Я поговорю с мистером Шиммером, у него есть знакомые, а мне он кое-что должен, но поможем вам сделать пристройку и сделает скидку, а может и рассрочку.

Мексиканка задумалась ненадолго, имеет ли смысл откровенничать, но решила, что на последний вопрос ответить тоже стоит, – Во-первых, мистер Дэвис, – улыбнулась она, –

Я намерена бывать у вас в гостях и не хотела бы принимать ваш товар в компании... ну вы поняли. Во-вторых, иногда нужно тихое место, чтобы обсудить дела, а не все я могу обсуждать дома или в салуне. Я понятно объяснила? Надеюсь. Теперь извините, мне пора, есть ещё дела. И ещё раз спасибо за виски.

Гадюка передала бутылку одному из своих громил, сказав, что если он покусится на этот нектар, то она лично отрежет ему уши. После чего мексиканцы покинули заведение Дэвиса.

Глава VII. Неизбежность

Жуть... Чего только не творится в этом городе. Какие только дела не делаются. И то, чем занимается Уильям, пожалуй, наименьшее зло из возможных. По крайней мере, он никого не убивал. Вернее сказать, не убивает с некоторых пор. Война оставила на нем неисправимый след, который с каждым годом, каждым месяцем, неделей и днем ноет все больше. Дэвис научился преодолевать препятствия, научился справляться с жизненными трудностями, научился, в конце концов, убивать, не испытывая после этого тягу к самокопанию. Он, наконец, понял, где спрятан корень всех вышеперечисленных проблем – в боге. Религия – яд, она опиум для народа... а Уильям занимался его продажей.

Впрочем, сейчас не об этом... Кажется, у Дэвиса появились гораздо более важные дела, когда он ненароком услышал диалог парочки опиумных наркоманов, пришедших к нему в заведение.

– Черт, Гарри. – начал, было, один из них, – Только что шел по главной. Твою мать! Там стреляли! Прямо в доме чертова доктора МакГроу! – с этими словами торчок вынул дозу порошка, завернутого в клочок бумаги, купленную за пару минут до этого в лавке Дэвиса, и всыпал его в длинную курительную трубку, каких в ходу были по большей части у азиатских эмигрантов, – Я видел, как какому-то мексиканскому бедняге вышибли мозги... – ум наркомана поплыл, когда он затянулся, а потому сказать что-либо еще он не мог или не хотел.

«Твою мать!» – ругнулся про себя Уильям, после чего крикнул в сторону Гранта о том, что им немедленно нужно скакать к дому дока. Томас отреагировал молниеносно – он вмиг подскочил с софы, схватил лежащее рядом ружье и бросился на улицу, где Дэвис уже отвязывал коней, которые уже через пару мгновений понесли всадников в здание, что было, к слову, совсем по соседству.

Человек смертен, и это еще только полбеды. Гораздо страшнее то, что человек, порой, внезапно смертен. Именно эта внезапность пугает большинство. Именно она заставляет людей страшиться смерти, ведь, если бы они знали, что умрут не завтра, а через год, в следующем марте, пятнадцатого числа, они бы сумели подготовиться к этой дате. Уильям же давно был мертвым человеком. Он слабо ощущал все прелести настоящей жизни, не видел радости, веселья, редко чувствовал боль душевную. Он давно потерял всех, кто хоть как-то был ему дорог – отца и мать, бога, в конце концов. Оставалась у него одна лишь сестра, которая, к счастью или к сожалению, не стала бы плакать по брату, если бы пятнадцатого марта в следующем году он умер. Никто бы не стал. И Уильям это прекрасно осознавал, а потому все свое время уделял делу его отца, желая развить компанию «Davis & Co» до тех масштабов, коих она достигала еще каких-то пятнадцать-двадцать лет назад.

– Никто не на столько молод, чтобы не умереть сегодня же... – произнес полусшепотом Дэвис, глядя на лужу крови, вяло текущую с порога дома Дональда.

– Надо сказать, Уильям, мистер МакГроу, похоже, умеет стрелять. Причем весьма неплохо. – произнес Томас тем же полусшепотом в ответ боссу, спрыгивая с коня и отводя обеих лошадей к коновязи, – Кажется, тут уже все закончилось.

– ...и не на столько стар, чтобы не прожить еще дня. – в эту секунду Уильям услышал шевеление и разговоры в доме дока, – Похоже, на сегодня этот парень отстрелялся. Док? Вы еще не подошли здесь?.. – Дэвис сунул свой револьвер назад в кобуру и вошел внутрь дома, обходя лужу крови и тело, что ею истекало. Внутри уже стояла толпа, которую почтительно венчала голова недавней знакомой Уильяма, Сальмы Чивалдори.

– Какого черта здесь произошло, мать вашу?! – девушка громко кричала и ругалась, произнося нелестные уху приличного человека слова на испанском. Очевидно, она прибыла сюда незадолго до Дэвиса, однако, к доку в операционную, куда девица так яростно старалась

пробраться, ее не пустили местные жители, всегда бывшие на чеку и тут же прибежавшие к Дональду, только заслышав стрельбу.

– Добрый день, господа... – с некоторой долей осторожности произнес Уильям, заходя в дом, – И дама. – добавил он, заметив сеньориту, – Вот уж не думал, что мы свидимся так скоро. – в тот момент Сальма неистово кричала на парочку мужчин, преградивших ей дорогу в операционную, Шона Картера и его отца, – Друзья. Señorita. Я смею полагать, никому из здесь присутствующих не хочется пролить еще больше крови. Все мы, определенно, желаем наилучшего исхода из возможных, а потому, я считаю, нам необходимо успокоиться и прояснить ситуацию сразу после того, как доктор МакГроу выйдет из своего кабинета. Ведь если он не сделал этого до сих пор, учитывая накал страстей, наверняка, он чем-то сильно занят, и, вероятно, это дело не может требовать каких-либо отлагательств. – с этими словами Уильям прошел, вертясь и говоря на всю комнату, мимо толпы и встал между четой Картеров и Сальмой, преграждая им путь друг на друга. Дэвис аккуратно тронул девушку за плечо, предлагая пройти в сторону небольшой скамьи, расположенной за столом, ныне, в результате бойни, валявшемся на полу. Следом Уильям нашел в каких-то шкафах несколько стаканов и бутылку виски, похожую на ту, осколки которой валялись сейчас по всему дощатому настилу, что укрывал фундамент дома доктора. – Ирландский виски... думаю, вы оцените, а мистер МакГроу простит мне такую самодеятельность в угоду давней дружбы. – откупорив бутылку, Уильям налил тем, на кого хватило стаканов (главным образом, то были люди Чивалдори), и самой Сальме, после чего уселся напротив нее. – Sabe, señorita, el doctor es una buena persona. Кроме того, он мой давний друг, и каждый здесь его знает весьма неплохо. А также, debo decir, – Уильям склонился к ней, произнося следующую фразу едва ли не шепотом, – Он все еще должен принести мне неплохую прибыль, которая, к слову, является нашей с вами общей. Потому я искренне прошу вас хорошо подумать, прежде чем выносить окончательный вердикт по поводу его жизни, что бы он тут не натворил...

В ответ Дэвис получил лишь молчаливый кивок-согласие и пару искр, метнувшихся из глаз девушки в сторону мужчины, будто говорящих, что ей не совсем нравится то, что сейчас происходит, но денег она хочет, а потому выбирать особенно не приходится.

Дональд сейчас отдал бы все, чтобы операция длилась вечно, и ему не пришлось выходить из операционной. «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» Он просто замер над столом, глядя на собственные окровавленные руки. Сердце отбивало столь бешеную четку, что, казалось, высосало кровь из кожи и творило в жилах какую-то сумасшедшую гонку. Стрелок под морфием что-то бредил, царапая доску стола, и это не придавало доктору спокойствия.

Он четко слышал голоса за дверью операционной: гулкий бас одного соседа, шушуканье других, и высокое, режущее слух отборными испанскими ругательствами сопрано Сальмы Чивалдори. Что он мог ей сказать? Дональд ненавидел ложь и слыл человеком прямолинейным. Но сейчас, глядя на бледное, покрытое испариной лицо стрелка, на его рану в животе и пулю, извлеченную оттуда, осознавал, что придется поступиться собственными принципами. Чтобы остаться живым самому. Чтобы помочь тому, кто отвел от него смерть, сам находящийся почти что в ее пасти.

Он вышел из комнаты, от ступора даже не вытерев кровавых рук и не выпустив из них скальпеля.

...Его встречает всеобщее молчание. Слышен лишь очередной полустон-полупроклятие из операционной. Бледный, взъерошенный, вспотевший и жутко уставший доктор предстал перед ошеломленными его видом соседями, Сальмой Чивалдори, трупом мексиканца и... Дэвисом? А он здесь что забыл? Еще и поит Гадюку его личным виски. «Да чтоб он у вас обоих поперек горла встал, мать вашу...»

– Потрудитесь объяснить, доктор МакГроу, – холодно бросила Сальма, медленно, словно змея, вставая из-за стола, и подходя ближе к Дону, – что здесь произошло? – Она кивнула

красивой головкой в сторону трупа. Ее черные глаза сверкали гневом. Прожигали насквозь. – Кто его убил, м?

– Он пришел в мой дом по своей воле, – сглотнул Дон, пока Гадюка обходила его по кругу, – угрожал моему пациенту, угрожал мне револьвером. Мы лишь защищались, сеньорита Чивалдори.

– То есть, вы утверждаете, что он начал стрелять первым, верно? – Она встала напротив него и сложила руки на груди. На языке жестов такая позиция означала неверие. – При чем, ни с того ни с сего. С чего бы такая агрессия??? – У Дона зашевелились волосы на затылке. Жил себе уже несколько лет в Стартауне и ни разу не попадал в передряги с участием бандитов. Вот и настал тот самый раз...

– Откуда мне знать? Война творила с головами людей вещи и похуже. – Он не знал, насколько неубедительно врал. Однако, каменное лицо Дэвиса надежд не давало. – Может, обдолбался чем? Я не могу знать, кто из ваших ребят чем балуется...

Сальма в ответ лишь хмыкнула и выгнула густую бровь.

– А чья это лошадь там, у входа? И кто в него стрелял? Кто-то это видел?

– Стрелял в него человек, которого я только что оперировал. Он там, – указал Дон пальцем за свое плечо, – отходит от операции. И он спас мне жизнь, иначе рана эта, – показал он Сальме рассеченное плечо, – была бы здесь, – медленно провел он пальцем по своему горлу, не отрывая глаз от лица мексиканки, – и я бы давно умер.

– Мне невдомек, чья это лошадь, я, вообще-то с людьми работаю, сеньорита, – процедил Дон, плохо скрывая раздражение в голосе. – Видела все мадам Джесса. Она была здесь.

– Я не верю ни единому твоему слову, ирландец, – ошетибилась Гадюка и решительно оттолкнула Дона, врываясь в операционную.

Грохот тела и металла. Шерман из последних сил защитил жизнь дока, хотя сам же чуть и не убил его. Ноги подкосились сами, более не выдерживая вес Смита. Кровавая пелена застелила глаза конфедерата, его голова наполнилась шумом, как будто били в колокол в его голове. Шерман не чувствовал боли, нет, и это больше всего пугало. Он оставался в памяти, но эта память была обрывочной, а окружающая картинка была местами настолько расплывчата, что, казалось, это происходило во сне. Док что-то спрашивал у Смита, но тело его не слушалось, язык казался тяжелой и неповоротливой заводской машиной. Потом провал. Снова всплыла картинка. Его перенесли в какую-то комнату, док сделал анестезию, и снова провал. Смит видел хорошие, радужные сны, еще не осознавая, какая боль его может ожидать. Довольно быстро, как подумал сам Шерман, он очнулся от беспомощности. За дверью были слышны голоса. Говорил док, какой-то мужик, и... мистер Дэвис? Затем взвизгнул женский голос. Смиту показалось, что он уже его где-то слышал. Спустя какое-то время к нему ворвалась эта самая женщина, которая тут же его узнала:

– О, кого я вижу. Хам и деревенщина. А теперь ещё и убийца мексиканцев. Ну и что ты тут делаешь?

Тут-то Шерман и понял, что имеет дело с Гадюкой, самой противной до одури женщиной на этом клочке Богом забытой земли.

– Кхе, я? Я вернулся сюда после ранения, когда охотился на Сэмюэля Райта. Вон, в мешке бумажка на него, а меня видел помощник шерифа. Как только прибыл к доктору, в его дом ворвался мексиканец, который верещал о том, что во дворе стоит лошадь его друга. Я правда не знаю, чего это он, эту лошадь я купил у индейцев. Ну и выхватил он револьвер и на меня навёл, а дальше – док попытался его обезвредить, а тот выстрелил в меня навскидку и давай ножом махать. Ваш друг попал в меня, но я смог защитить дока, но, к несчастью, пристрелил бедного мексиканца, – ответил ей Шерман. В глазах Сальмы читалось недоверие. Она вышла из операционной, хлопнув дверью. Шерман даже не пытался шевелиться – с такой дырой на все

пузо он проползет максимум до соседнего забора – и там растеряет все свои внутренности. Оставшись лежать в кровати, Смит раздумывал над своей судьбою. Как его вообще занесло в это захолустье, где человек человеку – волк? Неужели не было более пригодных мест для жизни? Финикс, Эль-Пасо и другие. Это города идеально бы подошли... Для кого? Для тех, кто не привык марать руки? Для тех, кто для того, чтобы построить свое счастье, не готов пошевелить даже пальцем? Нет, Шерман был не из числа таких. Его любимая девушка – револьвер, а его лучший друг – верный конь. Хоть в этой ситуации именно конь и подставил Шермана. Хотя по чем обвинять жеребца, когда виновен сам хозяин? Его рассуждения были прерваны ворвавшимися в операционную бугаями. Те его грубо связали по рукам и ногам, под причитания дока о том, что швы на животе могут разойтись, и погрузили на коней, после чего повезли в неизвестном направлении. «Как бы и правда от такой тряски кишки не вывалились. Однако сейчас это было бы спасением...», – подумал Смит, уже мысленно готовя себя к смерти.

Дон не мог спокойно смотреть на распростертый у окна труп мексиканца. Теперь ему казалось, что он еще долго не сможет обрести покой в собственных стенах, которые отныне и навсегда будут запятнаны кровью и смертью. Даже несмотря на то, что он потом отмоек их дочиستا так, что от сегодняшнего дня не останется и следа. А ведь это окно было в доме его любимым... Пока Гадюка ворвалась в операционную, доктор улучил момент и сорвал с рядом стоящей вешалки свой плащ. Парни Гадюки напряглись, но увидев, что Дон всего лишь накрывает им погибшего, убрали руки с револьверов.

Входная дверь раскрылась в тот самый момент, когда Дон отходил обратно к операционной, и это заставило его обернуться. Четверо мексиканцев вошли в нее, и первый – так сильно похожий на убитого, только намного старше, с ходу кинулся к телу, откинув ткань плаща с окровавленной головы. Этот человек был отцом убитому, и при виде этой печальной картины у Дональда на душе заскребли черные, как самая темная ночь, кошки. Лоб мужчины прорезали глубокие морщины, из глаз хлынули слезы, он крепко обхватил мертвого сына руками, раскачиваясь вместе с ним из стороны в сторону и надрывно рыдал. Все присутствующие в знак скорби и уважения сняли шляпы. Интересно, скорбел бы так по своему сыну-отступнику гордый лорд Квентин МакГроу, узнай, что он умер на чужбине, вдалеке от могил своих предков, и никогда не ляжет с ними рядом в семейной усыпальнице в Уиклоу? Да, отец и сын не нашли понимания и расстались чужими людьми, но сама мысль о том, что родителям пришлось бы хоронить его таким молодым рвала Дональду душу. Этого он точно для них не желал.

К убитому горем отцу тихо подошла Сальма и сочувственно сжала ему плечо. Они о чем-то поговорили по-испански, так тихо, что Дон не смог разобрать ни слова, кроме своей и Дэвиса фамилий. Потом она подошла к доктору.

– Я все так же не верю тебе, ирландец, – твердо произнесла Сальма, не сводя с доктора пронизывающего черного взгляда, – однако, выгоднее для всех считать это правдой. И запомни, МакГроу, – ее последние слова прошелестели, словно шипение змеи, давшей ей прозвище, а пальцы на миг вцепились Дону в локоть, – ты теперь мой должник.

Что могло быть хуже, чем попасть в должники к Гадюке? Только попасть к ней в плен, в сырой, темный подвал, и терпеть изощренные пытки Чивалдори. Дон смотрел, как бандиты хватают Смита, в состоянии, близком к шоку, но не вмешаться не мог.

– Постойте, эй, ему будут нужны перевязки, – он встал на пути у мексиканцев, вытаскивающих скрючившегося от боли стрелка из операционной, – иначе, при неграмотном уходе за раной, он умрет! Аккуратнее же, ну, не дрова несете!

– Это уже не твоя проблема, док, – громогласно усмехнулись бандиты, – мы о нем позаботимся, верно, ребята? – Последняя фраза прозвучала так издевательски, что Дону захотелось просто вынуть ремингтон и выстрелить кому-нибудь в башку. Увы, он итак нажил себе проблем за сегодня. И все же, внутри теплилась надежда как-то в будущем помочь своему несчастному спасителю. Спасителю и по совместительству виновнику сегодняшнего происшествия...

Вот и остался он в доме один, меря беспокойными шагами внезапно спустившуюся на него тишину. Это был какой-то дьяволом проклятый день, он мог поклясться в этом на Библии. В его размеренный быт, пропахший табаком, терпким запахом алкоголя и лекарств теперь исподтишка ворвался мерзкий душок опасности, тревоги, и все это его отнюдь не радовало. Цирк уехал, а кровь и мозги клоунов запятнали его стены, и не спать ему теперь в них спокойно еще очень-очень долго. Доктор грязно выругался и вернул свой ремингтон на пояс, подумав, что надо бы купить кобуру поудобнее и еще патронов про запас иметь, на случай важных переговоров. «И погнался же меня черт открывать эту дверь?!»

Он помнил, что мадам Джесса перед уходом просила его прийти в бордель так срочно, как он сможет, когда разберется с произошедшими в его доме событиями. Она была так раздосадована и огорчена, что Дону совесть бы не позволила проигнорировать ее просьбу. Однако, ему стоило еще позаботиться о себе и навести в доме порядок. А ведь он собирался хорошенько выспаться и вечером наведаться в салун, повидать Мередит. Он решил, что зайдет к ней сразу же после того, как узнает, что за помощь требовалась мадам Джессе.

Дон уже и позабыл, что значило зашивать себе руку самому. Когда зубы до боли в челюстях сжимают деревянный сучок, а игла из-за дрожащей руки никак не может войти на положенную глубину, и приходится вводить ее еще глубже в кожу, и еще и нить следом протаскивать, что тоже было малоприятным ощущением. Доктор даже обезболить себя не стал – он итак пустил достаточную дозу по вене, чтобы провести операцию успешно, и боялся просто передозировать и отключиться к чертям. Да и эта боль отрезвляла его как никогда и фокусировала на себе его мысли, отвлекая от глобальных страхов и тревог. Сделав последний стежок, он зубами разорвал нить и сделал узел. Обработал, наложил поверх повязку. Призадумался. Врачей не было на добрые несколько сотен миль вокруг, и случись что-то с ним, Дональдом, помощь ему не смог бы оказать никто... Кроме доморощенных индейских шаманов с их травами и камнями. От этой злой иронии хотелось истерически забиться головой об стену. Вместо этого доктор решил все же приняться за уборку в доме, напевая себе под нос старинные ирландские песни, изредка прерываясь благим матом в адрес мексиканцев, покойных и здравствующих, и не очень лестными словами, касающимися деталей интимных жизней их матерей.

Когда он закончил, ничего в доме не напоминало о развернувшейся здесь всего пару часов назад криминальной драме с трагическим исходом.

Глава VIII. Нежданный гость

Едва не дремавшего за своим собственным же столом в курильне Дэвиса разбудил прозвучавшая где-то вдаль, но оттого не менее отчетливая и громкая череда выстрелов. «Черт!» – он с недюжинной для него резвостью подскочил со стула и уже было схватился за пистолет, когда вдруг осознал, что все это происходит где-то в отдалении от его заведения, а, быть может, и не в Стартауне вовсе.

В главной зале и нескольких спальнях жутковато-непонятной кучей были свалены накуранные тела местных завсегдаев, в очередном экстазе пребывающих на своих спальнях местах, кои те приобрели у Дэвиса вместе с дурью за некоторую сумму чеканных монет. Уильям вышел из кабинета, решив осмотреться, как вдруг раздался стук в дверь.

Открыл эль Лазо, коему босс с некоторым присущим ему почтением кивнул в сторону входа. Из-за порога в здание ввалилась Сальма.

– Ничего не спрашивай! – кричала она, – Все потом! Спрячь меня.

И Дэвис спрятал.

Тогда он еще не знал, к чему приведет все то дерьмо, в которое он вляпался и которое он продолжает топтать прямо сейчас, пряча Гадюку в небольшом погребе, вскоре тщательно укрытом одним из ковров и кроватью, кою люди Дэвиса вытащили из соседней комнаты и поставили на палас.

Еще через несколько мгновений дверь с треском распахнулась, а в здание ввалились четверо – сержант конфедерации во главе тройки бандитов Флетчера.

– Кто тут главный? – сразу взял быка за рога сержант, – Сюда не заходила молодая мексиканка?

– Мексиканка? Да еще и молодая? – Дэвис, скорчив вопросительно-удивленное выражение лица вышел вперед, как бы показывая, что главный тут он, – Сэр, у нас тут курильня, а не бордель. Дам вроде той, что вы описали, в наших местах не водится.

– Н-да, – скептически скривил губы сержант, – Что, в городе ни одной молодой мексиканки?

– Гадюка, мать твою! – буквально заорал один из парней Флетчера, – Она сюда бежала, а ты с её папашей давно шашни водишь. Скажешь, что она не здесь?

– Гадюка? Вы, верно, о Сальме Чивалдори речь ведете? – лицо Дэвиса еще более наполнилось недоумением, – Наши дела с ее отцом ни коим образом ее не касаются. Энрике был знакомцем моего отца, а Сальма... она всего лишь его дочь. Не думается ли вам, что я всерьез стану рисковать делом всей жизни моего отца, делом всей своей жизни и ею самой, жизнью-то этой, только ради спасения какой-то мексиканки?..

– Да что ты мне свистишь? – начал заводиться один из бандитов, – Ей тут бежать больше некуда...

Неожиданно каждый из присутствующих в холле потянулся к своему собственному револьверу в кобуре. Кроме Дэвиса. Единственно он все еще сохранял самообладание.

– Господа. – вновь начал Дэвис, переводя свои руки в положение, кое проще всего будет обозначить как «чуть-чуть вперед», будто давая, таким образом, своим собеседникам в его мирных намерениях, – Вот вы, сэр, – мужчина обратился к сержанту, стоящему ближе всех прочих к нему, он казался здесь главным, – Видите это? – Дэвис указал на свой глаз, спрятанный за чернотой повязки, – Свой правый глаз я потерял в Битве в лесной глуши шестого мая 1864 года. Одно из крупнейших, надо сказать, сражений выдалось, одно из тех многих, где наши доблестные солдаты одержали славную победу над армиями янки. – Уильям дал небольшую паузу, дабы его собеседники сумели обдумать сказанное, – А теперь взгляните на этого человека. – Дэвис указал рукой на своего товарища, – Позвольте представить. Мистер Грант,

мой давний друг и бывший соратник не в одном бою. Вместе с ним мы сражались в битве при Чаттануге, в ноябре шестьдесят третьего, когда треклятые янки пристрелили моего отца. – еще одна небольшая пауза последовала за словами Дэвиса, – К чему я веду, спросите вы? А к тому, что, я считаю, незачем нам проливать здесь кровь друг друга. Разве недостаточно ее пролилось на полях сражений в той войне? Я предлагаю вам, сержант, поговорить и, быть может, выпить. За мой счет, разумеется. А в последствии прийти к более мирному и выгодному для нас обоим заключению. Что скажете?

– Ветеран конфедерации... – на лице сержанта появилась улыбка, – Я тоже дрался при Чаттануге, на Дозорном погиб мой брат, сам я был ранен днем позже при обороне Миссионерского хребта. Позвольте представится, Эшли Уиккенс, сержант от кавалерии. под началом майора Фиджеральда.

Бандиты явно хотели что-то возразить, но сержант пресёк это.

– Джентльмены, – отрезал он, – Проверьте другие задания, я же осмотрюсь тут. Вы же не будете против, сэр?

– Уильям Дэвис, рядовой, а в дальнейшем капрал армии Конфедеративных Штатов, ныне, как можете заметить, бизнесмен. Весьма польщен нашим знакомством. – Дэвис протянул руку сержанту, которую тот с не сходящей с его лица улыбкой крепко пожал, – Что же, мистер Уиккенс, пройдемте в мой кабинет? Кажется, у меня была где-то припрятана бутылка шотландского виски... а после, само собой, вы обязательно осмотрите всякий уголок моего заведения. Надеюсь, вы не откажете мне в этом жесте доброй воли? А то, кажется мне, что наше знакомство началось несколько неправильно.

За невероятно грубым и резким началом разговора последовало гораздо более приятное окончание. Тела накуренных постояльцев все еще валялись на своих кроватях, когда сержант Уиккенс разгуливал по зданию курильни, обходя комнату за комнатой и лишь мельком после пары выпитых стаканов с виски окидывал их своим взором, невнимательным и теперь уже не самым восприимчивым к мелочам.

Одновременно с этим обходом Уильяму удалось-таки выведать у сержанта некоторую информацию по поводу того, кто он, собственно, такой, а также, что здесь делает и зачем им Гадюка.

– Я сержант из отряда майора Фиджеральда, – начал, было, Уиккенс, – Отряд наш извечно испытывал проблемы с продовольствием, а мистер Флетчер, будучи человеком добрым и предприимчивым, договорился с нами о сделке. Мы уберем Чивалдори, а он за то даст нам его асьенду в пользование на некоторое время, снабдит едой, а также определенным количеством средств дани со всех предприятий города. Впрочем... вы, мистер Дэвис, можете не беспокоиться. Я замолвлю за вас словечко перед майором, он дарует вам иммунитет и ваши заведения не станут подвергаться столь частым и придирчивым нападкам со стороны нашего отряда.

Дэвис почтительно кивнул, чуть улыбнувшись, будто благодаря сержанта за его преданность службе в армии Конфедеративных Штатов, но более он не сказал ничего. Через полчаса сержант ушел, а Гадюка, наконец, заимела возможность выбраться из тесного погреба и расправить свои плечи в гораздо более просторном помещении.

«Энрике Чивалдори мертв?.. Флетчер терроризирует город?.. Конфедераты осадил асьенду мексиканцев?..» – примерно такие мысли пронеслись в голове у Дэвиса во время рассказываемой ему истории Сальмой, которая попутно просила мужчину помочь ей, спрятать ее от солдат и бандитов, на что Дэвис, сначала отвечавший лишь молчаливым согласием, очень скоро предложил ей временно пожить в том самом погребе, где ее только что, буквально, чудом чуть не нашли...

Начало ли это новой истории для Стартауна? Вполне возможно. Так и есть. По крайней мере, в этот момент начинается новая история Уильяма Дэвиса...

Часть вторая. Джудит Давенпорт

Я всегда знал, что люди странные существа, но в этом месте ощущения особенно обострялись.

Глава I. Семья

– Как прошёл твой день, Джу? – поинтересовался высокий молодой человек, снимая с шеи шарф и присаживаясь в старое, скрипучее кресло.

– Также, как и всегда. – девушка пожалала плечами и, размяв кисти, присела на край дивана, что находился напротив кресла, в котором расположился её брат, – Целый день ногам, а чаевых вообще не было. Наверное, не мой день.

– Ничего страшного, – отмахнулся Себастьян, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза, – Я тоже сегодня без денег.

– Себастьян, – девушка вновь подняла тему, которая волновала её с тех самых пор, как брат присоединился к шайке Флетчера, – может, не нужно продолжать? Это же так опасно! А если с тобой что-то случится?

– Перестань. – мужчина поднялся с кресла и подошел к старому буфету, где за большой тарелкой была спрятана маленькая бутылочка с водкой, содержимого которой оставалось на одну рюмку. Привычными движениями Давенпорт откупорил бутылку, достал рюмку и быстро вылил в неё остатки напитка. – Ты же знаешь, что у нас нет другого выхода. Чем быстрее мы заработаем необходимую сумму, тем скорее уедем отсюда.

– Я понимаю. – не сдавалась блондинка, обеспокоенно поглядывая на брата, – Но также понимаю и то, что Флетчер не отпустит тебя просто так.

– Всё, давай закроем эту тему. – резко прервал её брат, одним легким движением опрокинув рюмку с водкой в горло. Прикрыв глаза, он проглотил алкоголь и насупил брови, ощущая, как внутри растекалось приятное тепло. – Завтра принесешь ещё?

– Конечно. – произнесла Джудит, поднимаясь с дивана, – Ты отдыхай. А я пока пойду приготовлю нам ужин, а потом накормлю миссис Глорию.

– Ступай. – Себастьян уставился в окно, что-то рассматривая там, пока его сестра двинулась на кухню.

Накинув на себя пожелтевший от времени фартук, который принадлежал их домовладелице, девушка поправила на волосах атласную голубую ленту, достала тушеной говядины, фасоли, кукурузную муку и ещё что-то, по мелочи, чтобы приготовить фасолевый суп и кукурузные лепешки, типичную, пожалуй, еду для не самых богатых жителей тех мест, где волею судьбы оказалось семейство Давенпортов.

Время за приготовлением пищи шло незаметно, особенно для Джудит, которая любила заниматься делами на кухне. Когда они переехали в Стартаун, девушка хотела устроиться в салун поварихой, но эта должность уже была занята, поэтому Давенпорт пошла официанткой, а свои навыки в приготовлении пищи совершенствовала на кухне дома.

– Джудит. – на пороге появился её брат, полностью переодевшийся в домашнюю одежду, – Мадам Глория просила спросить про ужин.

– Уже всё готово. – улыбнулась она, вытаскивая из шкафа посуду: несколько тарелок да пару кружек, – Сейчас разложу всё и пойду к ней.

– Хорошо. Я тоже немного позже сяду за стол. Присоединишься?

– Конечно, – разливая горячий суп в тарелку, отозвалась девушка, а после выставила её на поднос, куда позже положила ещё пару кукурузных лепешек. – Только сделаю, что должна. А ещё миссис Глория просила привести к ней доктора. Ей вновь нездоровится.

– А когда она была здорова? – недовольно проворчал мужчина, складывая руки на груди.

– Не ёрничай. – скинув с себя фартук, сказала Джу.

Аккуратно неся содержимое подноса, девушка поднялась на второй этаж и не громко постучала в дверь старой женщины:

– Миссис Глория, я принесла ужин...

– Входи, Джудит, – раздался скрипучий старческий голос, за которым тут же последовал жуткий затяжной кашель.

Натянув на лицо улыбку, Давенпорт открыла дверь и зашла внутрь.

– Здравствуйте! Отлично выглядите! – прошебетала она, за что получила укоризненный взгляд от женщины.

– Молчала бы уж. – пробубнила старуха, приподнимаясь на локтях, – Ты почему так долго?

– Задержалась на работе. Такое бывает. – уклончиво ответила девушка, ставя поднос на прикроватную тумбу.

– Мы ведь чётко договорились, что ты будешь мне помогать готовить, а если не смогу сама, то ты это делаешь. Почему я должна голодать?! Будь аккуратнее, моя щедрость и так не знает границ, но я ведь могу в одно мгновение вышвырнуть вас с братцем на улицу, – Глория Шерман бросила голодный взгляд на тарелку с супом, отчего Джу закатила глаза.

«Ага, как же. Мы договаривались о помощи по дому, а не о подтирании вашей задницы» – подумала девушка, но вслух сказала совершенно другое:

– Извините меня, миссис Глория. Такого больше не повторится.

– Очень на это надеюсь, – вновь недовольно и с толикой какой-то высокомерной заносчивости, присущей этой престарелой женщине, буркнула старуха.

Через двадцать минут после, Джудит вышла из комнаты домовладелицы выжатая как лимон.

– Я даже на работе так не устаю. – шепотом произнесла она, убирая поднос подмышку и аккуратно стала спускаться вниз, чтобы ни одна половица лестницы не заскрипела, так как у мадам Шерман сразу начиналась мигрень от подобного звука.

– Закончила? – спросил сестру Себастьян, когда та зашла на кухню.

– Да. – устало протянула девушка, со вздохом опускаясь на стул.

– Опять ворчала? – этот вопрос прозвучал как констатация факта.

– Грозилась выкинуть нас из дома, если я не накормлю её вовремя.

– Не переживай, Джу. – Давенпорт ласково улыбнулся сестре, пытаясь приободрить ее, – Скоро мы накопим необходимую сумму и уедем отсюда. Если, конечно, ты не влюбишься в какого-нибудь лихого ковбоя и не решишь выйти за него замуж, оставшись в этом захолустье.

Джудит лишь рассмеялась и, не ответив на шутку брата ничем более, принялась разливать еду по тарелкам, предлагая, таким образом, Себастьяну присоединиться к ужину.

Солнце застало юную девушку в тот момент, когда она уже переодевалась в рабочее платье, которые должны были носить все официантки салуна. Расчесав грубой щеткой свои длинные волнистые волосы, Джудит собрала пряди по обеим сторонам лица и завязала их на затылке атласной алой лентой, оставив остальные волосы аккуратно лежать на плечах. Покрутившись около старого зеркала, в которое почти ничего нельзя было увидеть, она тихо вышла из комнаты и бесшумно закрыла за собою дверь, чтобы не разбудить мадам Шерман, которая спала после завтрака, что состоял из кукурузной каши, лепешек и чая, и на носочках спустилась вниз, где уже сидел её брат за чашкой дымящего кофе.

– Доброе утро. – мужчина улыбнулся сестре и протянул кружку с напитком, – Это последняя чашка. Кофе у нас тоже закончился.

– Доброе утро, Себастьян. – ответила блондинка, делая глоток ароматного кофе. – Вкус просто прекрасен. Особенно утром. Я сегодня принесу и водки, и кофе.

– Согласен. Собралась на работу? – деловито поинтересовался он, хотя и так знал ответ.

– Да, можем идти. – отдав кружку обратно брату, девушка сняла со стула свою серую ажурную шаль и небрежно накинула её на плечи.

– Тогда идем. – Давенпорт встал с дивана, оставив грязную кружку на кофейном столике, и театрально протянул сестре свою руку.

– Ты как никогда любезен. – хохотнула она и взяв его под локоть, вышла из дома.

Глава II. Работа

Пару дней назад Теодор Гельдрейх, немецкий ученый-палеонтолог, прибыл в этот захудалый городишко, разрываемый бандитскими группировками, отчаянно желавшими подмять под себя весь город. В родном его Берлине такого беззакония никогда не было, хотя столица Германии и не славилась главным образом своим низким уровнем преступности. Органы, обеспечивающие внутригородскую безопасность, работали слаженно и постоянно, чего нельзя было сказать об этом ветхом местечке, имевшем едва ли не одного стража порядка на две тысячи жителей.

Салун был, пожалуй, единственной местной достопримечательностью, и наведаться в него стоило сразу по приезде в Стартаун, но Теодор решил все же повременить с этим, предпочтя навести порядок в новом месте их обитания. Дом находился в первой линии от дороги, между банком справа и кучкой других домишек слева (где-то за ними высилась таверна). Неподалеку была и церковь, что, разумеется, не могло не расстроить Теодора, ведь, мало того, что сам он был убежденным атеистом, но и имя его, как Гельдрейху казалось, происходило от слова «атеизм».

Так или иначе, сейчас, к вечеру второго дня своего пребывания в Стартауне, он с компанией решил, наконец, посетить местный салун, благо тот находился неподалеку. Монолитное деревянное здание представляло из себя ящик с надписью «SALOON», висящей прямо под окнами второго этажа. Вход в таверну был окантован некоего рода порогом-террасой с колоннами, опираясь на которые, местные пьяницы, уже выгнанные из самого заведения, продолжали свой веселый вечер, а, быть может, даже ночь. За распахивающимися в обе стороны дверьми, которые правильной было бы назвать калиткой, стоял полумрак, играла музыка – кто-то сидел за роялем. Несколько мужчин танцевали в центре зала, держа в руках кружки с пивом, из которых периодически отхлебывали, а потом продолжали увлеченно смеяться, с головой погружаясь в танец. Официантки, одетые в длинные платья с причудливыми узорами на них, созданных, по-видимому, каким-то мастером мексиканской кухни, ведь ничего, кроме специй, размазанных по ткани, они из себя не представляли, старательно разносили напитки посетителям, что предпочли шумной барной стойке, не менее шумные, но все же более просторные столы. За парочкой из таковых играли в карты – в покер, и вот снова один бородатый мужчина, нервно ругаясь по-испански из-за проигрыша, заказывал на свои деньги очередную кружку выпивки своему оппоненту, который мог быть абсолютно кем угодно – причем, как черным, так и белым, ведь в этом салуне жизнь постоянно перемешивала всех, увлекая людей одним лишь делом – употреблением алкоголя. Многие из здесь присутствующих напьются сегодня настолько, что к утру хозяева заведения станут выносить их собственными силами, ведь надобно прибраться, а идти эти господа явно будут не в состоянии.

Появление посреди всего этого великолепия отнюдь не светской жизни пары мужчин в приличных и довольно дорогих фраках, плащах да с котелками на головах явно заставило удивиться львиную долю посетителей салуна «Черный Кактус». На пару мгновений даже музыка замолчала, однако вскоре пианист опомнился. Множество косых и злобных взглядов было брошено в сторону, как мужчин, так и сопровождавшего их мексиканца с большой винтовкой за спиной, однако спутники все же устремились к стойке трактирщика, стараясь не обращать внимания на прочих, а те, в свою очередь, продолжили попивать свои напитки.

День шёл как обычно: в меру весело, в меру скучно. Стив лениво смахивал со стойки пыль видавшей виды тряпкой и поглядывал на официанток, жалея, что француженка Жаклин выскочила замуж за одного из ранчеров и теперь живёт за городом. Бармен подумывал приударить за Джудит, но вот её брат внушал опасения, поговаривали что он присоединился к стрелкам Флетчера. Размышления парня прервало появление в заведении двух мужчин в городских

костюмах, такие в Стартауне носили разве что мэра, его секретаря, да главы местных банд вкупе с Дэвисом. Правда, Стив почти сразу вспомнил, что уже слышал про них, так как вдова Хокенс продала дом и укатила к дочери в Даллас, вот повезло старухе, два раза.

– Что угодно, господа? – поинтересовался бармен, – Выпивка, закуски? Есть отличный виски, текила или предпочитаете напитки попроще? Или, может, вам нужно что-то ещё?

На последних словах Стив сделал акцент, так как он иногда торговал не только выпивкой, в его ассортименте было ещё много чего, а в частности информация.

– Воды, пожалуйста. – произнес Теодор, облокотившись на стойку и усевшись на один из свободных стульев, – А еще было бы неплохо занять баночку чернил и ручку, да какой-нибудь клочок бумаги, герр... простите, кажется, я не расслышал вашего имени.

Гельдрейх, как и всегда, был весьма учтив и вежлив, хотя порою он забывал, в какой глуши находится, и не задумывался о том, что тут его «высокий английский» могут не понять, ведь местное большинство – это выходцы из фермеров да чернорабочих. А прочие – и вовсе из рабов.

– И мне, пожалуй, было бы неплохо... – отозвался присаживающийся рядом с палеонтологом Гаушвенц, – Давненько я ничего не пил.

Наверняка для бармена было странно слышать от человека здесь желание преподнести воды, вместо хотя бы пива или чего-то еще более крепкого. Вокруг продолжалась веселое гулянье – пьянчуги всяческих сортов, и белые, и черные, и латиносы, все они прямо сейчас вертелись в этом небольшом здании, которое, казалось, вместило в себя той ночью весь город. Где-то поблизости, едва ли не прямо под ухом Гельдрейха, отчетливо слышались испанские ругательства. Причем из нескольких уст: кто-то негодовал по поводу проигранных в карты сумм, кто-то бесился из-за не обращающих на него внимания официанток, а кто-то просто пародировал первых двоих, очевидно, находя это невероятно смешным.

Как только двери заведения были открыты для всех желающих, внутрь постепенно стекался народ всех мастей. Как и всегда, Давенпорт металась от стола к столу, разнося еду и напитки, сдобривая их своими улыбками, смехом и веселым голосом, за что получала денежную похвалу от подвыпивших посетителей.

Отдав очередной заказ, запыхавшаяся девушка подошла к барной стойке, не сразу обратив внимания на двух неизвестных ей мужчин, ведь во всём этом людском круговороте через некоторое время перестаешь различать лица.

Услышав просьбу одного из мужчин принести письменные принадлежности, официантка удивилась.

– Подождите минутку. Сейчас принесу. – она слегка кивнула головой и прихватив с собою свой поднос ушла из зала, чтобы через несколько секунд со всем необходимым мужчине, – Держите. Всё, что вы просили. – улыбнулась Давенпорт и отдала Гельдрейху всё содержимое с подноса.

– Благодарю, мисс. – произнес Гельдрейх, бросив беглый взгляд в сторону приблизившейся к нему официантки и толком даже и не обратив на онаю внимания, он взял перьевую ручку в правую руку, после чего, откупорив баночку чернил, запустил конец пера внутрь, слегка стряхнув излишки содержимого с конца ручки, мужчина, наконец, опустился к листу бумаги, принявшись выводить какие-то аккуратные буквы на хорошо ему знакомом английском языке:

«Людам ученым требуется помощь в осуществлении некоторой череды переходов по бескрайним просторам техасских степей и пустынь. По большей части необходимо помочь тяжёлым физическим трудом, который будет вознагражден монетой. Также готовы взять с собой спутников, жаждущих приключений в компании. По всем интересующим вопросам обращаться в сорок первый дом Янкитауна.

Теодор Гельдрейх.»

Ниже, прямо под этой записью, мужчина продублировал тот же текст на не менее хорошо знакомом ему испанском языке, после чего, поставив ту же подпись, слегка потряс бумагу в воздухе, пытаясь подсушить чернила и передал ее своему спутнику.

– Герр Гаушвенц, если вас не затруднит, прибежите это к доске объявлений прямо сейчас. Я, кажется, видел таковую в непосредственной близости от сего прекрасного заведения.

Мужчина с недлинной треугольной бородой принял бумагу, поднялся со стула, а затем, надев котелок, вышел из салуна, вскоре, впрочем, вернувшись и вновь усевшись рядом с Гельдрейхом.

– Не за что, – вновь улыбнулась Джудит, забирая поднос со стойки. – Если будет что-то нужно, то обращайтесь. А когда принадлежности вам больше не понадобятся, просто оставьте их на столе. Я позже уберу. – повернувшись спиной к мужчине, девушка вновь вернулась в зал, чтобы продолжить обслуживать посетителей, которые уже были не в меру подвыпившими и теперь им хотелось ещё больше алкоголя, смеха и табачного дыма.

– О, я полагаю, вы можете забрать их уже сейчас. – мужчина, наконец, уделил внимание официантке, обведя ее стан взглядом с головы до ног, – А потом вы, быть может, поведаете нам о делах в городе? А то я погляжу бармен несколько занят. (А он в действительности был занят, то разливая напитки, то перекидываясь некоторыми словами с ещё одной официанткой). Хотелось бы знать, что тут творится в целом, да и остались ли ещё те, кто жаждет приключений в новых землях хоть бы на треть столько же, сколько жажду их я со своими напарниками? И, если же вы намерены дать положительный ответ, то, позвольте, не лучше ли нам будет пройти за один из столов в отдалении от этой суматохи? Мне казалось, к вечеру люди должны расходиться по домам, а в этом заведении их почему-то становится лишь больше, и всякий из них все больше пьянеет.

Вернувшись к стойке после очередного заказа, девушка кивнула головой мужчине и молча убрала со стола на поднос чернильницу и ручку, а потом скрылась в комнате, чтобы убрать предметы на место. Незнакомый джентльмен заинтересовал Джудит, так как представлял новое и неизвестное лицо в этом городе, а как известно, всё неизвестное вызывает интерес.

– Знаете, мне кажется, что любой из нас, кто забрался в эту глушь, представляет собою любителя приключений, – произнесла она, поглядывая из-под ресниц на бармена. – Так что не думаю, что с этим будут проблемы, а что касается остального... Большого я пока вам сказать не могу. Как вы сами заметили, посетителей у нас много. В принципе, такое у нас каждый вечер. – она повернулась к залу и с улыбкой посмотрела на пьяный народ. – Но я могу удовлетворить ваше удовольствие после смены, иначе, боюсь, хозяйка меня по головке не погладит. – Давенпорт склонила голову набок, как бы извиняясь, что не может помочь мужчинам сразу.

– Очень жаль, конечно, но, полагаю, до конца вашей смены осталось не так много времени? Уже смеркается. Когда закончите, будьте любезны, не откажите нашей компании в удовольствии задать и, быть может, ответить на пару вопросов.

Гельдрейх почтительно кивнул девушке, стараясь поскорее удалиться в дальний угол салуна, дабы не мешать официантке зарабатывать себе на жизнь. Мужчины заняли один из столиков с парой лавок вокруг него, какие стояли лишь у стенок здания, по всему периметру. В центре же, как правило, находились столы меньшего размера, со стульями и на четверых, когда за выбранным героями могло уместиться человек шесть, а то и восемь, если им удастся потесниться.

Время стремительно текло вперед. На улице вскоре стало совсем темно, а людей в таверне было столь же много. Мужчины сидели все за тем же столом, перебрасываясь словами, которых, вероятно, никто бы здесь не понял. И совсем не потому, что всякая фраза произносилась на немецком – речь шла о науке. Гаушвенц увлеченно рассказывал что-то о найденных в аравийских пустынях костях каких-то невиданных существ своему спутнику, который, впрочем,

не оставался в стороне и в ответ выдавал какую-нибудь не менее удивительную историю из его собственного опыта...

– Uno, dos, tres, cuatro, амиго! – под шум заполненного зала и хохот окружающих, считал до четырёх Дос Мартеллос, одновременно с этим по очереди бросая на гладкую поверхность стола игральные карты и смеясь над удручённым видом своего соперника, который проиграл нынче пять долларов.

– Diablo! Чтобы я ещё когда-нибудь взялся с тобой за карты!.. – недовольно ворчал латинос лет сорока, в очередной раз опрокидывая в себя рюмку текилы.

– Точно так же ты говорил и в прошлый раз! – самодовольно усмехнулся Дос, запихивая скомканные зелёные купюры в карман штанов.

– А я ведь предупреждал, Диего, и не единожды. – решил съехидничать молоденький безусый Анхель, что сидел по левую руку от Доса.

– Ты кого тут носом тыкаешь, телёнок! – недовольно буркнул Диего и, скорее по-отцовски, чем от злости, потянул поля бежевой шляпы мальчика вниз. Тот лишь ещё больше рассмеялся и поправил её.

Сегодня Дос Мартеллос, Чочо и ещё трое людей из команды Энрике Чивалдори – Диего, Марио и Анхель – отмечали получение неплохой премии от дона за хорошее исполнение очередного задания. Спустя многие дни изнурительного «труда», вся компания решила хорошенько отдохнуть. А где же в этой дыре это можно сделать наиболее удачно? Правильно, в «Черном кактусе». Весь вечер пятёрка выпивала, каждый рассказывал какие-либо истории, приключившиеся с ним за годы своего бродяжничества, а также время от времени мужчины перекидывались картами. Короче говоря, занимались самыми стандартными делами, которые принято совершать в салуне, да в хорошей компании. К слову, больше всего опьянели черноусый Диего и бородатый Марио. Анхель, в силу своего возраста – всего 23 года – пьянел очень быстро и поэтому несколько раз пропускал. Чочо и вовсе не пил. Сейчас он сидел справа от Доса и молча, с серьезным видом читал какую-то книжонку на испанском. Когда три года назад Мартеллос научил его читать и, тем самым, открыл краснокожему мир книг, Чочо стал глотать одну за другой. Родившись в семье с аристократическими замашками, Доса с детства заставляли много читать и уже тогда чтение для него ассоциировалось с каким-то нудным делом. Поэтому, собственно, он часто словом поддевал своего товарища за его новую «страсть». И даже несмотря на это, в душе Чочо остался тем самым диким, необузданным и пугающим незнакомцев аборигеном и смотрелся он в своих одеяниях майя крайне эффектно. Сперва старатунцы побаивались его. Да что уж там, боялись и сейчас. Не доверяли и смотрели косо, время от времени недовольно поплёвывая под ноги при виде туземца. Но за год, что Дос и Чочо пребывали в этом городишке, жители стали к последнему привыкать. Привыкли даже больше, чем к мексиканцу, про которого шла молва как про жестокого пса Чивалдори. Единственное, что про него знали, так это его странное имя и то, что он воевал в мексиканском варианте гражданской войны. Как и Анхель, он мало пил, регулярно пропуская. Ещё с фронта Мартеллос понял, что нельзя терять самообладание и самоконтроль. Можно выпить, но немного.

– Крошка Джудит! – воскликнул Мартеллос через весь шумогамный зал, демонстративно подняв пустую бутылку вверх., – Мы умираем от жажды. Ещё текилы!

– Слышал, пока нас не было, её братец стал работать с командой сосунка Флетчера. – процедил Марио, косо поглядывая на официантку.

Мартеллос поставил бутылку на стол, достал портсигар, щёлкнул, раскрыв его, и достал оттуда коричневую сигаретку. Положив железку обратно в карман пиджака, что висел на спинке стула, мужчина чиркнул спичкой и закурил.

– Эта белая птичка без ума от меня, – то ли излишне самонадеянно, то ли в шутку произнес Дос, хитро поглядывая на девушку и выдыхая дым, – а что до брата... плевать. Одним подхалимом Флетчера больше, одним меньше...

– Интересно, с кем это она болтает? – прокручивая зубочистку между зубов, добавил Анхель, пока официантка ещё не подошла, – Впервые их вижу.

– На южан не сильно похожи. – ответил Дос, – Слишком учтиво себя ведут. Может с восточного побережья или вообще из Европы.

От приятной беседы с незнакомцем девушку отвлек внимательный взгляд бармена, а после крик хорошо знакомого ей голоса. Бросив через плечо беглый взгляд на Доса и его компанию, она обеспокоенно нахмурила брови, прекрасно зная, что они из себя представляют. И на кого работают.

– Уже иду! – крикнула она так громко, чтобы мужчина мог её услышать, а потом перевела взгляд на берлинского джентльмена:

– Вы правы, ещё пару часов и я освобожусь. – Давенпорт принялась составлять на поднос бутылки с текилой, которые сразу достал бармен, как только услышал Мартеллоса.

– Джудит, торопись. – очень тихо произнес Стив, делая кивок в сторону мексиканца.

– Да-да, – быстро проговорила официантка, а потом вновь обратилась к мужчинам за стойкой. – Только подождите немного и я помогу вам всем, чем смогу. А пока извините. – и натянув улыбку на лицо, Джу повернулась и направилась к столу Доса.

– А вот и ваша выпивка! – весело прощепетала она, подходя к их компании. – Может что-нибудь ещё? – девушка аккуратно поставила на стол две бутылки с алкоголем и забрала пустую тару, ожидая возможного заказа.

Как только прозрачные бутылки появились на столе, Диего потянулся к одной из них, схватил за горлышко и откупорил пробку, принявшись наливать своим сокутилам. На вопрос Джудит он, не глядя, отмахнулся:

– No, sinorita. Gracias. Пока ничего...

– Ну, почему же, – весело перехватил Мартеллос и нагло обвил рукой тонкую талию официантки, – Вот мне нужно знать, когда ты, наконец, пойдёшь со мной на свидание? Уже который раз зову!

Латиносы рассмеялись. Вокруг Дос Мартеллоса шла неоднозначная молва. Многие считали его опасным человеком, для которого пристрелить человека не за что – как высморкаться. Но знакомые с ним поближе были в курсе, что мексиканец, хоть и весёлый, но достаточно адекватный мужчина. С женщинами вальяжно флиртовал направо и налево, но получал от них то, что ему нужно, только по взаимной воле. Он столько раз приставал с подобным к Джудит, что та могла уже понимать шуточность его настойчивости. Насильно навязывать себя дамам – не принцип Доса Мартеллоса, но с Джудит он был бы не прочь что-нибудь «изобразить». И плевать ему было на мнение её брата.

– Да отстань ты от неё. Con calma! – лениво опрокинув рюмку, прервал Доса всегда угрюмый Диего, – Дочка, кто эти трое неместных там за столиком?

Пятёрка бойцов Чивалдори снова перевела взгляды на новоприбывших гостей города. Даже Чочо, доселе не впрягавшийся в разговор, перевёл взгляд карих больших глаз со страницы книги на тех людей.

На самом деле заезжих и уезжих в Стартауне была уйма, никто на это уже не обращал внимания, но члены двух команд особенно внимательно следили за любыми изменениями в городе. Самая ценная вещь на Диком Западе и особенно в нестабильном Техасе – информация.

– Что же... – ответить мужчине Джудит не успела, так как рука Доса обвила её вокруг талии и прижала к себе, на что девушка громко охнула от неожиданности, – Право слово, Мартеллос! – воскликнула Давенпорт звонко смеясь, – Я боюсь, что как только я соглашусь пойти

с тобою на свидание, твои дыхательницы перережут мне горло около моего же дома! – она подмигнула мексиканцу продолжая смеяться, – Прошу, пощади мою жизнь. – театрално взмолилась Джу и резко крутанулась вокруг своей оси так, что ей удалось выкрутиться из кольца рук мужчины.

Она игриво поклонилась и повернулась к Мартеллосу спиной, махнув рукой, словно на прощание, но через пару шагов остановилась и громко произнесла:

– Но, если уж тебе так хочется, попробуй получить благословение моего брата. Тогда, думаю, проблем не возникнет, – послав воздушный поцелуй Досу, она перевела взгляд на Диего:

– Я знаю о них совсем немного. – уже серьезно сказала официантка и пожала плечами, убирая поднос подмышку. – Подали объявления на доску, ищут любителей приключений. Сегодня после смены я должна с ними встретиться и помочь. А теперь извините меня, мне нужно работать. – она быстро и ловко обходила столы, на ходу отвечая на шуточки и восклицания, пока не оказалась около барной стойки.

– С огнём играешь. – философски заметил Стив, как только увидел раскрасневшуюся девушку рядом с собою, – Ты же знаешь, что он за человек.

– Знаю, – согласилась Джудит, ставя поднос на стойку, – Но я не позволяю себе больше, чем просто флирт.

– Но как ему можно отказать?! – рядом с разговаривающими появилась вторая официантка, с такими же пылающими щеками от духоты в помещении, – Он же такой красавчик! С удовольствием пошла бы с ним, но, увы, я ему не интересна. – девушка с силой сжала губы, а потом с явной желчью в голосе добавила. – В отличие от нашей малышки Джудит, которая умрёт старой девой, если не научится говорить «да»!

– Помолчи, – оборвал её бармен, бросив укоризненный взгляд, а потом опять посмотрел на Давенпорт, – А если он устанет ждать? Искать тебя в пустыне с ножом под ребрами, после того как он наиграется?

– Если бы он хотел это сделать, то давно бы сделал. – спокойно отозвалась Джудит, действительно уверенная в том, что пусть Дос и работал на опасного человека, да и сам таковым являлся, не опустится до принуждения. Такой человек, вероятно, получает удовольствие, когда девушка сама падает в его объятия как спелая груша. А с его внешностью и этой аурой опасности, витающей вокруг его имени, все местные летели к нему, как мотыльки на огонь.

– Я просто хотел тебя предупредить. – извиняющимся тоном произнес Стив, возвращаясь к работе.

– Я тебя поняла и искренне благодарна за это. – улыбнулась Джудит, а после переключилась на одного посетителя, которому срочно понадобилось наполнить свою кружку алкогольным напитком.

Пит сегодня пил. Он и его друзья из Стрелков Флетчера отмечали день рождения Алекса Гора. Сам он уже ушёл, как и многие другие парни. За столом остались только сам Пит, Том Бекер и Стефан Морган, правда последний уже дрых мордой в стол. Но, это нисколько не смутило Пита, как и то, что мексиканцев было пятеро.

– Эй, ты! – заорал он через весь зал, поднимаясь из-за стола, – Ты, ты! чёртов фрихолеро! А ну-ка убери свои грязные лапы от девочки или я тебе их отрежу! С таким дерьмом направляйся в бордель! Пока мы его у вас не отняли. Эта девчонка вообще сестра одного из наших. И вообще, валите отсюда к чертовой матери подобру-поздорову...

Пит не обращал внимания на протестующие возгласы Тома. Бандита несло, он обошёл стол и не твёрдой походкой двинулся к мексиканцам. Намерения его были явно агрессивны, кулаки сжаты, а в глазах плескались виски и ярость...

«Неужели опять потасовка?» – женщина, хозяйка этого заведения, склонившаяся, было, над бухгалтерскими записями, прислушалась к характерным звукам, сейчас доносившимся из зала. Стук и чей-то негодующий бас. Мередит Роджерс вскинула замутненную таблицами цифр, голову, как будто бы вытянулась, став похожей на пустынного зверька, прислушивающегося к еще не начавшейся песчаной буре. В том, что она грядет, сомнений не было. Кабинет Лукаса Роджерса, ее бывшего, теперь покойного, мужа – а ныне ее кабинет – находился на втором этаже, в самом начале крыла, слева от лестницы, а потому и крыса не проскочила бы незамеченной мимо миссис Роджерс. Впрочем, внизу сейчас звучали голоса явно не крыс.

Как пить дать, назревала потасовка. Скрипнули, меняя местоположение, деревянные лавки. Отвратительный, режущий по нервам, звук. Мередит нахмурилась и нащупала под столом скинутый сапожок. Второй нашелся рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.